

Р.Ю. Почекаев

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

глазами российских
и западных
путешественников

Монголия XVII — начала XX века

Роман Почекаев

**Государство и право в
Центральной Азии глазами
российских и западных
путешественников. Монголия
XVII – начала XX века**

«Высшая Школа Экономики (ВШЭ)»

2021

УДК 34(517)(09)
ББК 67.0(54)

Почекаев Р. Ю.

Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников. Монголия XVII – начала XX века / Р. Ю. Почекаев — «Высшая Школа Экономики (ВШЭ)», 2021

ISBN 978-5-7598-2260-8

В книге впервые в отечественной науке исследуются отчеты, записки, дневники и мемуары российских и западных путешественников, побывавших в Монголии в XVII – начале XX вв., как источники сведений о традиционной государственности и праве монголов. Среди авторов записок – дипломаты и разведчики, ученые и торговцы, миссионеры и даже «экстремальные туристы», что дало возможность сформировать представление о самых различных сторонах государственно-властных и правовых отношений в Монголии. Различные цели поездок обусловили визиты иностранных современников в разные регионы Монголии на разных этапах их развития. Анализ этих источников позволяет сформировать «правовую карту» Монголии в период независимых ханств и пребывания под властью маньчжурской династии Цин, включая особенности правового статуса различных регионов – Северной Монголии (Халхи), Южной (Внутренней) Монголии и существовавшего до середины XVIII в. самостоятельного Джунгарского ханства. В рамках исследования проанализировано около 200 текстов, составленных путешественниками, также были изучены дополнительные материалы по истории иностранных путешествий в Монголии и о личностях самих путешественников, что позволило сформировать объективное отношение к запискам и критически проанализировать их. Книга предназначена для правоведов – специалистов в области истории государства и права, сравнительного правоведения, юридической и политической антропологии, историков, монголоведов, источниковедов, политологов, этнографов, а также может служить дополнительным материалом для студентов, обучающихся данным специальностям. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 34(517)(09)

ББК 67.0(54)

ISBN 978-5-7598-2260-8

© Почекаев Р. Ю., 2021

© Высшая Школа Экономики
(ВШЭ), 2021

Содержание

Введение	7
Глава I	13
Глава II	25
Глава III	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Р. Ю. Почекаев
Государство и право в Центральной
Азии глазами российских и
западных путешественников.
Монголия XVII – начала XX века

Монгольское право интересно, прежде всего, само по себе, как проявление правового творчества народа, оставившего заметный след в истории народов двух частей света – Азии и Европы. Кроме того, монгольское право интересно также и как материал для социологического и сравнительно-правового изучения.

В.А. Рязановский

Монография подготовлена по результатам исследования, выполненного за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162 «Центральная Азия в международных отношениях XVIII–XIX в.»), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого

Рецензент – доктор филологических наук, заведующая сектором Центральной Азии Института восточных рукописей РАН, г. Санкт-Петербург *И.В. Кульганек*

Опубликовано Издательским домом Высшей школы экономики <http://id.hse.ru>
doi:10.17323/978-5-7598-2327-8

© Почекаев Р.Ю., 2021

Введение

Научный интерес к Монголии возник в России еще в первой половине XVIII в. и немного позднее на Западе, причем уже самые ранние исследователи уделяли значительное внимание вопросам монгольской государственности и права. Однако изучены эти аспекты крайне неравномерно, что четко отражено, в частности, в обзорных трудах по традиционному монгольскому праву, периодически появляющихся с начала XX в. и до нашего времени¹.

Наибольшим вниманием таких исследователей пользуется эпоха Монгольской империи Чингис-хана и его преемников, а также приписываемый основателю империи «свод законов», известный под названием «Великой Ясы», который исследователи уже в течение нескольких веков безуспешно пытаются «реконструировать»². Следующий период развития монгольской государственности и права, привлекающий внимание исследователей, – период XVII–XVIII вв., и это напрямую связано с тем, что именно к нему относятся крупные монгольские кодификации, созданные в это время – «Восемнадцать степных законов» (конец XVI – первая треть XVII в.), ойратское «Великое уложение» («Их Цааз», 1640 г.), «Свод законов Халхи» («Халха Джирум», 1709–1770 гг.) и примыкающее к ним «Монгольское уложение» («Цааджин бичиг, 1627–1694 гг.), созданное маньчжурскими властями для своих монгольских вассалов³. Именно на их основе большинство специалистов, обращающихся к проблемам развития монгольской традиционной государственности и права, формируют представление о монгольской системе власти и управления, нормах и принципах регулирования различных сфер правоотношений, монгольской правовой терминологии⁴.

В значительно меньшей степени оказались востребованы для исследователей другие правовые памятники Монголии постимперского периода, также уже введенные в оборот – «Уложение» Алтан-хана, правителя южно-монгольской области Тумэт, 1577 г. и «Закон о десяти

¹ См.: *Гурлянд Я.И.* Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1904; *Рязановский В.А.* Монгольское право, преимущественно обычное. Харбин: Типография Н.Е. Чинарева, 1931; *Ванчикова Ц.П.* Монгольские правовые памятники и история их изучения // Мункуевские чтения-2: Материалы междунар. науч. – практич. конф. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2004. Ч. 1. С. 23–36; *Дудин П.Н.* Генезис монгольского права и его взаимодействие с китайским правом (XIII – начало XX в.) // Право. Журн. Высшей школы экономики. 2016. № 1. С. 21–36; *Дугарова С.Ж.* Историография монгольского государства и права (XIII – начало XIX в.). Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2016.

² В специальной работе нам уже приходилось обращать внимание на то, что ни один средневековый исторический источник не дает оснований считать Великую Ясу именно монгольской имперской кодификацией, позволяя, скорее, говорить о ней как о некоей совокупности норм различного происхождения, обеспечивавших функционирование имперских институтов и поддержание правопорядка в Монгольской империи, см.: *Pochekaev R. Yu.* Chinggis Khan's Great Yasa in the Mongol Empire and Chinggisid States of the 13th–14th Centuries: Legal Code or an Ideal “Law and Order” // *The Golden Horde Review*. 2016. Vol. 4. No. 4. P. 724–733.

³ Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. / пер. с монг., коммент. и исслед. А.Д. Насилова. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002; Их Цааз («Великое уложение»): Памятник монгольского феодального права XVII в. / пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова М., 1981; Халха Джирум: Памятник монгольского феодального права XVIII в. / пер. Ц. Жамцарано, ред., введ. и примеч. С.Д. Дылыкова. М.: Наука, 1965; Цааджин бичиг. Цинское законодательство для монголов 1627–1694 / пер., введ. и коммент. С.Д. Дылыкова. М.: Наука, 1998.

⁴ См., напр.: *Леонтович Ф.И.* К истории права русских инородцев: Древний монголо-калмыцкий или ойратский устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса: Типография Г. Ульриха, 1879; *Голстунский К.Ф.* Монголо-ойратские законы 1640 года, дополнительные указы Галдан-хунтайджи и законы, составленные для волжских калмыков при калмыцком хане Дондук-даши. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1880; *Насилов А.Д.* Административное и военное право монголов в XVII веке // Владимирцовские чтения. Тезисы докладов и сообщений. II Всесоюзная конференция монголоведов. М.: Наука, 1989. С. 34–36; *Он же.* Процессуальное право монголов в XVII в. // История и культура народов Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1993. С. 25–40; *Порбеев Г.Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха Джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Эйдос, 2012; *Кадырбаев А.Ш.* Памятники степного права «Жеты-Жаргы», «Их Цааз», «Цааджин Бичик» и культурные взаимосвязи ойратов, калмыков и халхасцев с казахами в эпоху Цин // *Mongolica-XVII*. 2016. С. 30–34; *Butler W.E.* The Mongolian Legal System: Contemporary Legislation and Documentation. Hague: Martinus Nijhoff Publishers, 1982. P. 5–34.

добродетелях», созданный тогда же внучатым племянником этого хана – Хутуктай-Сэчен-хунтайджи, правителем Ордоса, а также приписываемый последнему религиозно-политико-правовой трактат «Белая история»⁵. Издан во Внутренней Монголии (автономный район в составе КНР) на старомонгольском языке, но до сих пор, насколько нам известно, не исследован ойратский «Свод законов чуулгана (сейма) Куку-Нора»⁶. Наконец, на сегодняшний день недостаточно подробно исследовано и «Уложение Китайской палаты внешних сношений» («Лифаньюань цзи-ли»), созданное между 1770-ми и 1810-ми годами маньчжурскими властями специально для регулирования их отношений с монгольскими вассалами и дважды переведившееся на русский язык в первой трети XIX в. Н.Я. Бичуриным (о. Иакинфом) и С.В. Липовцевым, опубликовавшими свои переводы практически одновременно – но по редакциям соответственно 1779 и 1815 гг.⁷

Тем не менее основная тенденция изучения монгольской государственности и права на сегодняшний день состоит в том, что развитие государственных и правовых отношений в Монголии исследуется преимущественно на основе законодательных сводов. Лишь отдельные ученые предпринимают попытки изучения актов текущего законодательства и правоприменительной практики, что позволяет им выявить особенности судебной практики⁸, в том числе с учетом влияния цинской правовой и процессуальной традиции⁹, а также разрешения конкретных дел¹⁰, правовой политики империи Цин в Северной и Южной Монголии¹¹. В отдельных

⁵ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Уложение Алтан-хана – монгольский правовой памятник второй половины XVI века // Правоведение. 2011. № 1. С. 119–139; *Он же*. Закон Хутуктай-Сэчена и особенности развития монгольского права на рубеже XVI–XVII вв. // Правоведение. 2013. № 1. С. 204–224; *Он же*. Политико-правовые взгляды Хутуктай-Сэчен-хунтайджи (По данным «Белой истории») // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов: сб. докладов III междунар. науч. конф. (20–22 апреля 2017 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2019. С. 107–120.

⁶ Tseugel H. Kökebayur-un čiyulyan-u čaγaja-yin bičig [The legal Code of Kokenuur League]. Beijing, 2009.

⁷ Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. II. СПб.: Типография К. Крайя, 1828. С. 203–339; Липовцев С. Уложение Китайской палаты внешних сношений. Т. 1–2. СПб.: Б.и., 1828. Пожалуй, можно назвать лишь одно современное фундаментальное исследование этого памятника: Legrand J. L'Administration dans la domination Sino-Mandchoue en Mongolie Qalq-a. Version mongole du Lifan Yuan Zeli. Paris: Collège de France, 2018.

⁸ Носов Д.А., Почекаев Р.Ю. Рукопись Ц.Ж. Жамцарано из фонда ИВР РАН «Отрывок о том, как вести тяжбу» – источник по истории монгольского права // Б.Я. Владимирцов – выдающийся монголовед XX века: сб. статей. Материалы российско-монгольской науч. конф. (6–8 октября 2014 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2015. С. 146–153; *Он же*. Выписки из законоуложений как отражение правового развития Монголии XIX – начала XX вв. (По материалам рукописной коллекции ИВР РАН) // Культурное наследие монголов: коллекции рукописей и архивных документов. Материалы II Междунар. науч. конф. (21–22 апреля 2015 г., Улан-Батор). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2017. С. 147–153.

⁹ Heuschert D. Legal Pluralism in the Qing Empire: Manchu Legislation for the Mongols // The International History Review. 1998. Vol. 20. No. 2. Jun. P. 310–324; Heuschert-Laage D. State Authority Contested along Jurisdictional Boundaries. Qing Legal Policy towards the Mongols in the 17th and 18th Centuries // Max Planck Institute for Social Anthropology Working Papers. No. 138. Halle, 2012; Constant F. Le gouvernement de la Mongolie sous les Qing: du contrôle sur les hommes à l'administration des territoires // Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient. T. 97–98. 2010. P. 55–89; *Eadem*. Le droit mongol dans l'État sino-mandchou (1644–1911). Entre autonomie et assimilation. Paris: Collège de France, 2018; *Idem*. The Legal Administration of Qing Mongolia // Late Imperial China. 2019. Vol. 40. No. 1. P. 133–173. Halle, 2012.

¹⁰ Bawden Ch.R. A Case of Murder in Eighteenth-Century Mongolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1969. Vol. 32. No. 1. P. 71–90; *Idem*. The Investigation of a Case of Attempted Murder in Eighteenth-Century Mongolia // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1969. Vol. 32. No. 3. P. 571–592.

¹¹ Попов А.В. Проблема собственности маньчжурских властей на земли казенных пашен в Халха-Монголии в XVIII–XIX вв. // ИИИСАА. 1992. Вып. XIV. С. 168–181; *Он же*. Принципы организации цинского податного механизма в Северной Монголии в XVIII–XIX вв. // ИИИСАА. 1995. Вып. XV. С. 124–141; *Он же*. О принципах демографической статистики в Северной Монголии (XVIII–XIX вв.) // XX науч. конф. по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки (6–7 апреля 1999 г., Санкт-Петербург). СПб.: СПбГУ, 2000. С. 121–125; *Он же*. Цинское законодательство XVIII–XIX вв. о разграничении земель северомонгольских аймаков и хошунов // Вестник СПбГУ. Сер. 13. 2016. № 3. С. 68–85; *Он же*. Северомонгольские князья и цинские налоги (XVIII – первая половина XIX в.) // Вестник СПбГУ. Востоковедение и африканистика. 2018. Т. 10. Вып. 4. С. 436–466; Erdenchuluu Kh. The Study of Mongolian Legal History: New Approaches on the Basis of Local Documents // Культурное наследие монголов: рукописные и архивные собрания Санкт-Петербурга и Улан-Батора. Материалы междунар. конф. (19–20 апреля 2013 г., Санкт-Петербург). СПб.; Улан-Батор: Б.и., 2014. С. 40–53.

случаях вводятся в оборот также памятники народного творчества, отражающие представления монголов о справедливости, праве и процессе¹².

Подобного рода исследования, как представляется, позволяют сформировать куда более полную и объективную картину истории развития традиционной монгольской государственности и права, чем только на основе официальных правовых сводов. Той же цели может послужить привлечение записок иностранных путешественников, которые в разные временные периоды и с разными намерениями посетили Монголию и зафиксировали применение на практике тех или иных политических и правовых принципов и норм, нередко являясь непосредственными участниками административных и правовых отношений.

Как ни странно, но исследователи по истории традиционного монгольского государства и права до сих пор практически не привлекали этот вид источников, хотя они довольно многочисленны¹³. В самом деле, Монголию в течение веков посетили сотни путешественников – русские, англичане, французы, немцы, скандинавы, американцы, многие из которых оставили записки. А широкий круг целей, с которыми они ездили в Монголию (дипломатия, торговля, разведка, духовные миссии, туризм¹⁴) вызывал интерес иностранцев к самым разным сторонам жизни. Невнимание специалистов к этим источникам представляется тем более странным, что история путешествий в Монголию нашла широкое освещение в трудах специалистов. Эти путешествия составляют отдельное направление в общей истории географических открытий¹⁵. Имеются специальные работы, посвященные экспедициям в Монголию и пребыванию в ней русских дипломатов, торговцев, ученых и проч.¹⁶ Также довольно многочисленны публикации, посвященные отдельным путешественникам¹⁷.

В какой-то мере настоящая книга имеет целью заполнить этот пробел и ввести в научный оборот записки иностранных путешественников как источник сведений о традиционной государственности и праве монголов. Хронологические рамки исследования охватывают период с XVII в., когда после нескольких веков перерыва (связанного с падением Монгольской империи) в Монголии вновь стали появляться иностранные путешественники, и до начала XX в., когда завершилась зависимость Монголии от империи Цин.

Книга является логическим продолжением монографии, посвященной анализу сведений о государственности и праве Центральной Азии в записках российских и западных путешественников XVIII – начала XX в.¹⁸ Логическим и, можно сказать, необходимым, поскольку

¹² Носов Д.А. Рукопись монгольской сказки «О старике Боронтае» из собрания ИВР РАН / предисл., транскр., пер. с монг., примеч. // Письменные памятники Востока. 2015. № 1 (22). С. 5–11.

¹³ Лишь при изучении Монгольской империи привлекались записки европейских и восточных путешественников (Иоанн де Плано Карпини, Вильгельм де Рубрук, Марко Поло, Ибн Баттута и др.) – и то как источник для реконструкции вышеупомянутой Великой Ясы Чингис-хана, поскольку ее содержание не сохранилось на монгольском языке ни в одном источнике.

¹⁴ О многообразии значений термина «путешествие» в современной науке см. подробнее: Головнев А.В. Антропология путешествия: от *imago mundi* до *selfie* // Уральский исторический вестник. 2016. № 2 (51). С. 7.

¹⁵ Бейкер Дж. История географических открытий и исследований / предисл. И.П. Магидовича. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950; Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. II: Великие географические открытия (XV – середина XVII в.). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1983; Там же. Т. III: Географические открытия и исследования нового времени (середина XVII – XVIII в.). Изд. 3-е, перераб. и доп. М.: Просвещение, 1984.

¹⁶ См., напр.: Шастина Н.П. Русско-монгольские посольские отношения XVII в. М.: Изд-во восточной литературы, 1958; Чимитдоржиева Л.Ш. Русские посольства к монгольским Алтан-ханами. 1608–1681 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003; Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные направления и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.): дис. ... д-ра ист. наук. Владивосток, 2006; Российские экспедиции в Центральную Азию: Организация, полевые исследования, коллекции. 1870–1920-е гг. / отв. ред. А.И. Андреев. СПб.: Нестор-История, 2013; Слесарчук Г.И. Статьи разных лет. Улан-Батор: Б.и., 2013; Сизова А.А. Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: ИВ РАН, 2015; Юсупова Т.И. Советско-монгольское научное сотрудничество: становление, развитие и основные результаты (1921–1961). СПб.: Нестор-История, 2018.

¹⁷ См. подробнее: Приложение 2.

¹⁸ Почекаев Р.Ю. Государство и право в Центральной Азии глазами российских и западных путешественников XVIII – начала XX в. М.: Изд. дом ВШЭ, 2019.

Монголия относится к числу наиболее важных в историческом и политическом отношении стран Центрально-Азиатского региона, и анализ ее государственности и права на основе записок путешественников позволяет существенно расширить представления о политическом и правовом развитии Центральной Азии в целом.

Соответственно, во многом данное исследование строится аналогично предыдущей книге: используется та же совокупность методов исследования (преимущественно, критический анализ текстов, сравнительно-правовой метод и системный подход), предлагается анализ традиционных административных и правовых институтов, в конце содержатся приложения – хронология путешествий и биобиблиографический справочник.

Глава I посвящена общей характеристике личностей путешественников и их записок, в ней анализируется и систематизируется их состав по национальной и профессиональной принадлежности, по целям и задачам поездок в Монголию, характеру их сочинений. Такая информация в сочетании с информацией о конкретных путешественниках, приведенной в прилагаемом биобиблиографическом справочнике, позволяет понять, чьи сведения заслуживают большего внимания, а чьи следует воспринимать более критично, поскольку нельзя забывать о выраженной в путевых записках субъективности восприятия иностранцем чужой (и зачастую чуждой) ему цивилизации и культуры, неизбежности сравнения им увиденного за границей с собственной страной¹⁹. Причем порой эта субъективность может быть «двойной»: исходя из особенностей личного восприятия и принадлежности к определенной нации, социальной или профессиональной группе и проч.

Главным отличием этой книги является принцип изложения основного материала: если в первой книге оно строилось по территориальному принципу и анализировались государственность и право отдельных стран и регионов Центральной Азии, то теперь предлагается анализ преимущественно по хронологическому принципу – на основе выделения ряда этапов в истории Монголии XVII – начала XX в. Автор считает такой подход оправданным, поскольку каждый из этих этапов характеризуется определенной спецификой развития монгольской государственности и права.

Глава II представляет собой анализ записок путешественников как источника о государственности и праве Северной Монголии (Халхи) XVII в., когда ее правители еще сохраняли независимость и продолжали применять традиционные институты управления и правового регулирования (многие из которых существовали еще со времени империи Чингис-хана). В то же время кризис в системе властных и правовых отношений делал их владения уязвимыми для экспансии могущественных соседей – Московского царства, империи Цин, Джунгарского ханства.

Глава III посвящена сведениям путешественников о государственности и праве Джунгарского ханства – ойратского государства в Западной Монголии, существовавшего в середине XVII – середине XVIII в. Спецификой Джунгарии было то, что в первой половине XVIII в. оно занимало исключительное положение на международной центральноазиатской арене. В то время, когда соседние монгольские ханства переживали серьезный политический кризис и все больше попадали под власть империи Цин, Джунгария не только сохранила независимость, но и сама предпринимала попытки распространения сюзеренитета на соседние владения – причем не только на ханства Халхи, населенные такими же монголами-буддистами, но и на тюркско-мусульманские регионы: Ташкентское владение, Восточный Туркестан, казахские Старший и Средний жузы. Исследователи неслучайно говорят о Джунгарском ханстве как о последней «степной империи», которая сумела объединить под своей властью народы и регионы с разной этнической принадлежностью, языком, религией, хозяйственным укладом и рас-

¹⁹ См., напр.: *Набилкина Л.Н., Кубанев Н.А.* Травелог – лингвокультурологическая основа образа города и государства // Приволжский научный вестник. 2013. № 8 (24). Т. 2. С. 128.

пространить на них единые принципы управления. При этом, во многом опираясь на опыт прежних «степных империй» (в том числе и Монгольской империи), правители Джунгарии в 1710–1740-е годы предпринимали серьезные шаги по модернизации государства и общества, выстраивая дипломатические контакты с соседними государствами, вырабатывая новые принципы власти, управления и правового регулирования, развивая сельское хозяйство, ремесло и даже промышленность. Записки путешественников о политико-правовых реалиях Джунгарии первой половины XVIII в. позволяют представить весьма впечатляющие перспективы дальнейшего развития этого государства, прерванные довольно неожиданным династическим кризисом начала 1750-х годов, которым воспользовалась империя Цин, в конце того же десятилетия разгромившая и упразднившая Джунгарское ханство.

В главе IV дается характеристика записок путешественников о государственности и праве Северной Монголии в XVIII – начале XX в., т. е. в период ее пребывания в зависимости от империи Цин, причем статус монгольских правителей в течение этого периода постоянно менялся – от вассалитета с весьма широкой степенью автономии в XVIII – первой половине XIX в. до фактического подданства в конце XIX – начале XX в. Длительность этого периода, охватывающего более двух столетий, а также тот факт, что именно в это время Монголию посетило наибольшее число российских и западных путешественников, обусловил проведение анализа их записок по отдельным сферам государственных и правовых отношений: органы власти и управления, статус правителей и духовенства, налоговая система, правовое регулирование хозяйственной деятельности, семейные и наследственные правоотношения, преступления и наказания, суд и процесс. Каждая из них рассмотрена подробно и с учетом изменений соответствующих государственных и правовых институтов на различных этапах пребывания Северной Монголии под властью маньчжурских императоров.

Глава V посвящена отраженным в записках путешественников особенностям развития государственности и права Южной Монголии (современная Внутренняя Монголия – автономный район в составе КНР), которая гораздо раньше (в 1630-е годы) признала власть империи Цин и, соответственно, подверглась большей интеграции в имперское политико-правовое и социально-экономическое пространство. Особенности правового статуса этого региона, а также сравнительно малая степень изученности его государственности и права в Цинский период побудили автора в данном случае отойти от хронологического принципа и посвятить ему отдельную главу.

В заключении подводятся общие итоги исследования и оценивается значение проанализированных исторических памятников как источников сведений о традиционной государственности и праве Монголии XVII – начала XX в.

Полагаем, такое сочетание хронологического и географического принципов построения материала книги позволит понять, что Монголия на каждом этапе рассматривалась как некое единое в политическом и правовом отношении пространство. Особенности политико-правового развития различных регионов Монголии проявлялись еще в XVI в., и в дальнейшем стали настолько значительны, что являлись очевидными и для иностранных путешественников даже при том, что большинство из них не были специалистами по изучению государства и права. Так, Южная Монголия (Чахар, Тумэт, Ордос) испытала более значительное влияние тибетского буддизма и раньше попала под власть империи Цин, соответственно, в ней в гораздо большей степени были распространены маньчжурские принципы управления, источники права и принципы регулирования отношений не только в публично-правовой (налоги, система преступлений и наказаний), но и в частноправовой сфере (торговые и иные обязательственные отношения). Северная Монголия (Халха), подчинившаяся Цинской империи позднее, в течение длительного времени сохраняла автономию, а соответственно, и традиционные институты управления, источники права и проч. Джунгарское же ханство в Западной Монголии демонстрировало тенденцию к централизации власти и постепенному расширению своего сюзерени-

тета на соседние государства, народы и регионы. Таким образом, в результате проведенного исследования начинает формироваться своеобразная «правовая карта» Монголии изучаемого периода, которая может оказаться небесполезной как для дальнейшего изучения традиционной монгольской государственности и права, так и, возможно, при выстраивании отношений в самых разных сферах с монгольскими контрагентами из разных исторических областей Монголии.

Написание имен собственных, географических названий и специальных политических и правовых терминов в книге приводится в соответствии с современной монголоведной традицией, исключения составляет лишь их написание в приводимых цитатах.

При проведении исследования автор неоднократно прибегал к консультациям специалистов-монголоведов, а также имел возможность представить промежуточные исследовательские результаты на специализированных научных мероприятиях в России и за рубежом. Таким образом, книга не появилась бы без их поддержки, и автор считает своим приятным долгом выразить благодарность И.В. Богданову, И.В. Кульганек, Д.А. Носову, Т.А. Пан, А.В. Попову, П.О. Рыкину, Т.Д. Скрынниковой (Санкт-Петербург), П.Н. Дудину (Улан-Удэ), В.В. Кукановой (Элиста), К.З. Ускенбаю (Алматы, Казахстан), Х. Эрдэнчулуу (Киото, Япония), а также Издательскому дому Высшей школы экономики в лице Е.А. Ивановой, Е.А. Бережновой и В.Е. Красавцевой – за постоянное сотрудничество и, как всегда, моей семье: жене Ирине, сыновьям Михаилу и Даниилу за их терпение и моральную поддержку.

*Санкт-Петербург,
июль 2020*

Глава I

Путешественники XVII – начала XX в. в Монголии и их записки

Прежде чем непосредственно приступить к анализу сведений иностранных путешественников о государственности и праве традиционной Монголии, необходимо понять, кем же были эти самые путешественники. Сразу же обратим внимание на то, что национальный состав и социальный статус путешественников весьма существенно менялся в разные периоды истории Монголии и во многом зависел от ее политического положения, равно как и от тех задач, которые преследовали сами иностранцы, прибывавшие в эту страну.

XVII в. стал временем установления и развития отношений Московского царства и монгольских ханств²⁰. В течение 1610–1680-х годов значительное число русских дипломатов посетили государства Восточной Монголии (улусы Тушету-хана, Сэчен-хана), а также ойратские владения в Западной Монголии, в том числе Джунгарское ханство²¹. Результаты этих поездок нашли отражение в десятках статейных списков посольств, расспросных речах участников дипломатических миссий и ряде других документов, составленных на основе полученных дипломатами данных²². Кроме того, сведения о Монголии рассматриваемого периода оставили также московские дипломаты, отправленные в Китай с целью установить отношения сначала с династией Мин (И. Петлин), затем – с маньчжурской династией Цин (Ф.И. Байков), путь которых тоже пролегал через монгольские ханства.

Сразу следует обратить внимание на то, что русские дипломаты, побывавшие в Монголии на начальном этапе взаимодействия Московского царства с местными правителями, обладали не слишком высоким статусом и достаточной подготовкой. Соответственно, сведения о государственности и праве монгольских ханств, которые они посещали (или через которые проезжали в Китай), носят достаточно лапидарный характер. Большинство московских дипломатов, посетивших Монголию в этот период, принадлежали к сословию провинциальных служилых людей – детей боярских, дворян, казачьих атаманов и т. д., родом из Красноярска, Тары, Тобольска, Томска и проч. Зачастую они выполняли разовые дипломатические поручения, выступая больше в качестве гонцов или курьеров, передававших послания центральных или региональных русских властей монгольским правителям, а не обсуждали серьезные междуна-

²⁰ В исторической исследовательской литературе еще с XIX в. идет дискуссия о более ранних дипломатических миссиях русских послов в Монголию. Некоторые исследователи упоминают о пребывании русских послов в лагере монгольского хана около 1543 г. (*Баников А.Г.* Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай (Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков). М.: Географгиз, 1949. С. 3), однако никаких подробностей этого путешествия не сообщают. Гораздо больше внимания уделяется вопросу о вероятности первого московского посольства в Китай, участники которого, казацкие атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев, якобы в 1567 г. были направлены Иваном Грозным в империю Мин, куда добрались через Монголию. Большинство исследователей, упоминая это посольство, выражают сомнения в его достоверности, см.: *Покровский Ф.И.* Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (Мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычёва в 1567 г.). СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1914; *Мясников В.С.* Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 146–148; *Филошкин А.И.* Дойти до Поднебесной: первые русские в Китае // Родина. 2004. № 10. С. 8–12. Да и сообщение о путешествии, якобы составленное самими атаманами (или по их рассказам), больше производит впечатление художественного произведения, нежели реального отчета о дипломатической миссии, см.: Путешествие казацких атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Елычева в Китай в 1567 году // Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. СПб.: Б.и., 1849. Т. II. Кн. VIII. С. 178–186.

²¹ В рамках настоящей работы не рассматриваются первые поездки московских дипломатов к ойратам, переселившимся в Московские владения в самом начале XVII в., т. е. калмыков, см. подробнее: *Чимитдоржиев Ш.Б.* Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 24–25.

²² *Гольман М.И.* Русские архивные документы по истории Монголии в XVII в. // Архивные материалы о монгольских и тюркских народах в академических собраниях России. Доклады науч. конф. / сост. И.В. Кульганек; отв. ред. С.Г. Кляшторный. СПб.: Петербургское востоковедение, 2000. С. 96.

родные политические и правовые вопросы. Лишь некоторые из них представляли собой исключение, будучи более образованными людьми, имевшими значительный опыт государственной службы, – например, Д.Д. Аршинский, Я.О. Тухачевский или Ф.И. Байков. Естественно, таким служащим поручались более ответственные дипломатические задания, что находило отражение и в их записках.

Впрочем, справедливости ради нельзя не сказать, что перед «региональными» русскими дипломатами, совершавшими путешествия в Монголию, и не ставились серьезные стратегические задачи и, следовательно, направлявшие их власти сами не нуждались в знаниях о монгольских государственных и правовых реалиях. Исследователи уже обращали внимание на то, что сибирские администраторы (от которых чаще всего и ездили посланцы к монгольским правителям в XVII в.) не следовали какой-то единой государственной политике, а старались оперативно решать возникающие перед ними текущие проблемы²³. Поэтому вести серьезную исследовательскую деятельность в отношении соседних народов и государств у них не было ни возможности, ни необходимости. Большинство информации политического или правового характера в записках московских дипломатов XVII в. связано с их личными наблюдениям, действиями, отношением к ним со стороны самих монгольских правителей, чиновников, населения. Наиболее характерным примером являются сведения о налогах и повинностях: о них русские путешественники XVII в. упоминают, как правило, в связи с качеством дорог, по которым они сами передвигались; наличием или отсутствием разбойников на этих дорогах (и отношении к их преступным действиям в адрес русских дипломатов со стороны властей); предоставлением или непредоставлением им провианта, лошадей и проч.²⁴

Тем не менее мы не вправе игнорировать сведения российских путешественников XVII в. – даже такие краткие и, в общем-то, субъективные. Их систематизация позволяет сформировать определенное представление о политико-правовом развитии монгольских ханств, их внутреннем и международно-правовом состоянии. Тот факт, что сведения путешественников неоднократно дублируются в сообщениях разных авторов, подтверждает их объективность и свидетельствует о непосредственном знакомстве сибирских служилых людей с монгольскими властными и правовыми реалиями рассматриваемого периода.

Первые попытки путешественников описать политико-правовые реалии Монголии без прямой привязки к собственным интересам были предприняты, как ни странно, московскими дипломатами, направлявшимися с поручениями в империю Цин в последней четверти XVII в., когда Южная Монголия уже вошла в состав этого государства, а Северная – сначала *de facto*, а в 1690-х годах и *de jure* – стала вассалом маньчжурских императоров. Именно в процессе переговоров с представителями империи Цин они получали информацию о текущем статусе монголов как вассалов императора, их обязанностях перед сюзереном, пределах полномочий внутри собственных владений и в отношениях с иностранными государствами. Правовые аспекты отношений среди самих монголов этих дипломатов, что вполне понятно, также не интересовали.

Обратим внимание, что среди руководителей и сотрудников таких посольств были не только русские (Ф. Байков, Ф.А. Головин), но и иностранцы на русской службе – молдаванин Н.Г. Спафарий, голландец Э. Идес и немец А. Бранд, выходец из Средней Азии С. Аблин и др.,

²³ См.: Александров В.А. Россия на дальневосточных рубежах (вторая половина XVII в.). М.: Наука, 1969. С. 45–46. Это, впрочем, касалось даже внутренней политики Московского царства – в частности, применительно к Сибири, освоение которой началось в этот период, см., напр.: Слугина В.А. Правовое оформление российского подданства сибирских народов в XVI–XVII вв.: шертальные записи и процедура шертования: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2017. С. 15–16.

²⁴ Это вовсе не означает, что русские дипломаты не отличались наблюдательностью и в своих записках сосредоточивались исключительно на описании выполнения ими собственных поручений и связанных с ним злоключений. Например, известно, что знаменитый сибирский географ и историк С.У. Ремезов в своей работе «О калмыках» (т. е. ойратах Джунгарского ханства) опирался на записки своего деда Моисея (Меньшого) Ремезова, ездившего с дипломатическим поручением к джунгарскому хунтайджи в 1640 г., см.: Гольденберг Л.А. Статья С.У. Ремезова «О калмыках как весьма известном в Сибири народе» // СНВ. 1976. Вып. XVIII. С. 228.

в связи с чем возникает вопрос, в какой степени эти последние могут быть охарактеризованы как русские путешественники. Полагаем, что факт их пребывания на русской службе в период посещения Монголии позволяет считать их таковыми²⁵.

В XVIII в. ситуация в русско-монгольских отношениях существенно меняется – как в отношении состава путешественников, так и целей и задач, которые перед ними ставились. Это непосредственно отразилось и на содержании их сообщений о монгольской государственности и праве.

Продолжались контакты Московского царства (с 1721 г. Российской империи) с Цинской империей, которая в это время старалась закрепить свой контроль над южными и северными монголами и одновременно урегулировать статус границ с Россией²⁶. Соответственно, непосредственные дипломатические связи России с монгольскими правителями прервались: дипломаты взаимодействовали с ними лишь как с представителями цинской администрации, когда проезжали через территорию Монголии. В то же время, в связи с расширением восточных владений Российской империи (укрепление позиций в Сибири и на Алтае, принятие в подданство казахских жузов), российские власти стали активно налаживать контакты с Джунгарским ханством, которое противостояло экспансии империи Цин в Монголии²⁷. При этом нельзя не отметить, что несмотря на то, что ойратские правители претендовали на некоторые территории, юридически находившиеся под властью России, в течение первой половины XVIII в. они старались поддерживать с ней дружеские отношения²⁸.

И Цин, и Джунгария были заинтересованы в поддержке России в своем конфликте (или по меньшей мере невмешательстве), что стимулировало активизацию их дипломатических отношений с российскими властями разных уровней. Русские дипломаты в таких условиях уже занимались не только передачей посланий от направивших их монархов или региональных администраторов, но и собирали сведения о ситуации в тех землях, куда направлялись, и через которые проезжали. Выбор в качестве дипломатов хорошо образованных людей²⁹ объясняет, почему даже в отчетах не только полномочных послов, но и простых курьеров (В.Ф. Братищев, сержанты Д. Ильин, Подзоров, Е. Филимонов и др.), присутствуют весьма ценные наблюдения о политической ситуации в Джунгарском ханстве, Северной и Южной Монголии, отдельных аспектах правовой политики ойратских правителей в Джунгарии и Восточном Туркестане, а маньчжурских – в Северной и Южной Монголии. Наряду с дипломатами, занимавшимися сбором сведений о посещенных государствах неформально, в монгольские земли направля-

²⁵ Единственное исключение из перечисленных иностранцев – уроженец Голштинии Адам Бранд, который покинул Россию сразу после возвращения из поездки в Монголию и Китай (1696) и свои записки об этом путешествии опубликовал уже в Европе.

²⁶ См., напр.: *Красникова О.А.* Установление российско-китайской границы в XVII–XVIII в. и карта Китая, присланная Петру I императором Кан-си (Kangxi) (по картографическим фондам БАН и СПб филиала Архива РАН) // *Россия и Китай: научные и культурные связи* (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН; Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 119–128.

²⁷ См.: *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. III. М.: Просвещение, 1983. С. 138–142; *Коптев А.В.* Формирование российско-джунгарской границы в первой трети XVIII в. // *Сибирский сборник – 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской* / отв. ред. П.О. Рыкин. СПб.: МАЭ РАН, 2011. С. 99–111. При этом, начиная уже с эпохи Петра I, уделялось значительное внимание не только дипломатическим контактам, но и научному изучению территорий, подконтрольных Джунгарии, см.: *Акишин М.О.* Джунгарское ханство во внешней политике Петра Великого // *Paleoethnographica: сб. статей к 90-летию Н.Ф. Демидовой*. М.: Древлехранилище, 2012. С. 6–28; *Бейкер Дж.* История географических открытий и исследований. М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. С. 234–237; *Задваев Б.С.* Западная Монголия в трудах российских исследователей и путешественников XVIII – начала XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2006. С. 12–13.

²⁸ См. подробнее: *Куинерик Р.А.* Русско-джунгарские дипломатические отношения: Начало XVII – 50-е годы XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2006.

²⁹ См. также: *Козлов С.* Русские путешественники Нового времени: имперский взгляд или восприятие космополита? // *Slavic Eurasian Studies. Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context* / ed. by T. Mochizuki. 2007. No. 17. P. 133–148.

лись и разведчики «под прикрытием»: занимавшиеся торговлей – И.К. Резвых, А. Верхотуров, С. Колмогоров, А. Плотников, пограничные чиновники А. Незнаев, Е.Я. Пестерев и др.

В то же время XVIII в. стал временем начала научного изучения восточных владений Российской империи и соседних государств. Соответственно, одной группой путешественников в Монголию становятся профессиональные исследователи – ученые, большей частью приглашенные Петербургской Академией наук из Европы³⁰. Учитывая, что они состояли в течение долгих лет на российской службе (многие даже умерли в России) и совершали свои поездки в монгольские земли по поручению и при финансировании Академии наук, полагаем, есть все основания их также отнести к русским путешественникам³¹. Весьма любопытно, что некоторые из тех академиков, кто побывал непосредственно на территории Монголии и впоследствии признанные в качестве монголоведов (как, например, Д.Г. Мессершмидт³² или И. Иериг³³) в своих записках практически ничего не упомянули о политико-правовых реалиях монголов, между тем в материалах тех из них, кто добрался только до русско-монгольской границы, в частности, посетив пограничный город Кяхту³⁴ (П.С. Паллас, И.Г. Георги), содержатся сведения, касающиеся и этой сферы отношений.

В первой половине XIX в. в рамках дальнейшего развития российско-цинских отношений в Китай стали направляться многочисленные дипломатические миссии, в состав которых входили не только дипломаты, но также деятели науки и искусства. Имея в своем распоряжении наработки предшественников – вышеупомянутых академиков, – участники таких экспедиций могли себе позволить обращать внимание уже на некоторые малоисследованные аспекты отношений монголов, включая правовое положение различных слоев общества (в том числе многочисленного и авторитетного буддийского духовенства), торговые и семейные отношения, сферу преступлений и наказаний и проч. Правда, большинство известных художников (а во второй половине века – и фотографов), даже оставивших записки о своем путешествии по Монголии, не уделили внимания политико-правовым аспектам, в лучшем случае описав некоторые детали бытовой жизни монголов³⁵. Едва ли не единственное исключение среди них

³⁰ См. подробнее: Материалы для истории экспедиций Академии наук в XVIII и XIX веках. Хронологические обзоры и описание архивных материалов / сост. В.Ф. Гнучева. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. С. 25–30, 95–100, 106–108.

³¹ То же можно сказать и об участниках посольства С.Л. Рагузинского – урожденном немце Г.И. Унферцатте и шведе Л. Ланге. Впрочем, этническая принадлежность вышеупомянутых ученых до сих пор вызывает споры о том, считать ли их российскими или немецкими востоковедами. Традиция рассматривать этих ученых как западноевропейских путешественников сложилась еще в советский период, см., напр.: *Гирченко В.* Русские и иностранные путешественники XVII, XVIII и первой половины XIX веков о бурят-монголах. Улан-Удэ: Государственное Бурят-Монгольское изд-во, 1939; *Зиннер Э.П.* Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1968. И в современной историографии также присутствует мнение о том, что они стали основоположниками немецкого монголоведения, см., напр.: *Гудеева Н.М.* Новый взгляд на труды иностранных ученых в развитии этнографии Монголии XVIII–XIX вв. в современной ориенталистике России // *Вестник Бурятского гос. ун-та.* 2012. № 8. С. 150–155; *Гамбоев А.* Немецкое монголоведение в XIX–XXI вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2014. С. 10.

³² Первый исследователь Сибири Д.Г. Мессершмидт: Письма и документы. 1716–1721 / под ред. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 12. См. также: *Новлянская М.Г.* Даниил Готтлиб Мессершмидт и его работы по исследованию Сибири. Л.: Наука, 1970. С. 86–90; *Тункина И.В., Савинов Д.Г.* Даниэль Готтлиб Мессершмидт: у истоков сибирской археологии. СПб.: ЭлектСис, 2017. С. 27–28, 48.

³³ См.: *Шафрановская Т.К.* Монголист XVIII века Иоганн Иериг // *СНВ.* 1965. Вып. IV. С. 155–163; *Дюльденко А.А.* Иоганн Иериг: исторический портрет представителя российской академической науки второй половины XVIII века. Ставрополь: Ставрополит, 2017.

³⁴ Не приходится удивляться, что многочисленные контакты российских дипломатов и торговцев происходили с монголами именно через Кяхту, учитывая, что на кяхтинскую торговлю в разные периоды приходилось от 40 до 60 % товаров, ввозимых из России в Монголию, см.: *Единархова Н.Е.* Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е годы XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015. С. 98. Именно поэтому в число путешественников, оставивших записки со сведениями о государственности и праве Монголии, мы сочли возможным отнести довольно большую группу лиц (дипломатов, военных и гражданских чиновников, ученых и торговцев), знакомство которых с монголами ограничивалось посещением Кяхты и ее китайско-монгольской части – Маймачена.

³⁵ См., напр.: *Иванов Д.В.* Первые фотографии, сделанные в Монголии русскими путешественниками // *СНВ.* 2014. Вып. XXXV. С. 170–186; *Шишковой А.И.* Материалы к исследованию Монголии, собранные учеными-путешественниками в

составляет врач и художник П.Я. Пясецкий, который по итогам экспедиции описал даже особенности частноправовых отношений между монголами и китайцами.

С первой половины XIX в. (вероятно, в связи с появлением в Сибири ссыльных декабристов) среди исследователей Монголии начинает формироваться своеобразное «либерально-демократическое направление», представители которого в большей степени сосредоточивались на изучении социально-экономического положения населения этой страны и, естественно, довольно сурово критиковали существующие отношения³⁶. Позднее их преемники (в частности, авторы «Кяхтинского листка» Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др.) в своих записках о Монголии осуждали также и действия российских представителей дипломатических и торговых кругов в отношении простых монголов.

Уже с начала XIX в. значительный вклад в монголоведение стали вносить представители, казалось бы, крайне далекой от подобного рода исследований сферы – участники духовных миссий, с середины XVIII в. регулярно работавших в Пекине и на территории империи Цин в целом. А примерно столетием позже российское духовное ведомство стало рассматривать и возможность постоянного миссионерского присутствия также непосредственно на территории Монголии³⁷. Наряду с выдающимися трудами Н.Я. Бичурина (о. Иакинфа) и П.И. Кафарова (о. Палладия) интересные наблюдения касательно государственности и права Монголии оставили, в частности, священники И. Никольский и Я.П. Дуброва. Помимо вопросов политического устройства, системы налогов и сборов их по понятным причинам интересовали также вопросы, как статус буддийского духовенства, семейные отношения и т. п. Также стоит отметить, что авторы интереснейших записок о путешествиях по Монголии (также включающих сведения политико-правового характера) А.В. Игумнов, Е.Ф. Тимковский, М.В. Ладыженский, Е.П. Ковалевский, В.П. Васильев получили возможность побывать в Монголии именно в качестве сопровождающих православных духовных миссий в Пекин³⁸.

Вторая половина XIX – начало XX в. стали эпохой массового посещения Монголии русскими военными исследователями и предпринимателями. Их экспедиции явились результатом существенного изменения политической ситуации в монгольских владениях, которые, с одной стороны, в результате кризиса власти и управления в империи Цин приобрели большую самостоятельность во внешнеполитической сфере (в том числе и в экономической); с другой стороны, российские власти также стали рассматривать возможности установления контроля над Монголией – вплоть до ее военного завоевания³⁹. Наряду с ними продолжали бывать в Монголии (специально и по пути в Китай) дипломаты и ученые⁴⁰.

последней четверти XIX века, дополненные списком фотографий Н.А. Чарушина из собрания иркутского областного краеведческого музея, а также архивными документами из собрания государственного архива Иркутской области // Россия и Монголия в начале XX века: дипломатия, экономика, наука. Кн. 3. Ч. 1: Статьи участников 3-й Междунар. науч. – практич. конф. Иркутск; Улан-Батор: Изд-во БГУЭП, 2014. С. 367–378; Первый фотограф Лхасы: публикация дневника О. Норзунова «Три поездки в Лхасу (1898–1901)» / пер. Д.К. Ворониной; коммент. Б.Л. Митруева // *Oriental Studies*. 2018. Т. 40. № 6. С. 36–72.

³⁶ См. подробнее: *Даревская Е.М.* Декабристы в Сибири и соседние страны Востока – Китай и Монголия. Иркутск: Изд-во Иркутского музея декабристов, 2007; *Чуковская Л.* Декабристы – исследователи Сибири. М.: Географгиз, 1951.

³⁷ См. подробнее: *Корниенко Н.Н.* Миссионерская деятельность русской православной церкви в Монголии (вторая половина XIX – 2010-е годы): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2018. См. также: *Лысенко Ю.А., Ян Цуйхун.* Обзор миссионерской деятельности Пекинской духовной миссии (вторая половина XIX – начало XX века) // Вестник Новосибирского гос. ун-та. Сер. История, филология. 2019. Т. 18. № 8. История. С. 61–62. Впрочем, уже М.М. Сперанский, будучи сибирским генерал-губернатором, рассматривал возможность активизации миссионерской деятельности в Монголии через Кяхту, о чем еще в феврале 1820 г. писал министру народного просвещения князю А.Н. Голицыну, см.: В память графа Михаила Михайловича Сперанского. 1772–1872. СПб.: Изд. Императорской публичной библиотеки, 1872. С. 287–288.

³⁸ См., в частности: *Мароши В.В.* «Записки...» о. Иакинфа Бичурина и Е.Ф. Тимковского как первые травелоги русских путешественников о Монголии // Русский травелог XVIII–XX веков / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. С. 48–70.

³⁹ См.: *Старцев А.В.* Российско-монгольские торгово-экономические отношения во второй половине XIX – начале XX в. Барнаул: Изд-во АГУ, 2013. С. 71 и след.

⁴⁰ При этом наряду с учеными-исследователями в Монголии стали появляться и практики – в частности, представители

В ряде случаев весьма затруднительно провести четкую границу между экспедициями научного, военного и торгового значения. Во-первых, практически все они включали представителей военного ведомства, которые придавались и ученым, и торговцам как для охраны, так и для получения данных, интересующих военное ведомство Российской империи. Так, например, в состав научной экспедиции Г.Н. Потанина 1879–1880 гг. входила группа военных топографов во главе с капитаном П.Д. Орловым, а торговую экспедицию в Монголию 1910 г. возглавлял полковник В.Л. Попов. Во-вторых, ряд экспедиций, получивших важные научные результаты в области географии, геологии, биологии и проч., направлялся не только Императорским Русским географическим обществом⁴¹, но и Главным штабом – среди руководителей таких экспедиций были выдающиеся военные исследователи-монголоеды Н.П. Пржевальский, М.В. Певцов, П.К. Козлов и др.⁴² При этом не только они, но и «военные востоковеды», гораздо менее известные широкой публике, в рамках своих командировок уделяли значительное внимание помимо исключительно военных аспектов (топографии, коммуникации и проч.), и более широкому кругу вопросов, связанных с политической ситуацией в Монголии, отношениями среди ее населения и т. д. В ряде случаев формальное поручение, данное военному специалисту, не всегда подразумевало исключительно его исполнение, что также находило отражение в записках. Например, П.Ф. Унтербергер, направленный в 1872 г. в Ургу для постройки госпиталя при российском консульстве, фактически провел исследование о возможностях возведения укреплений, инфраструктуры для размещения войск и затратах на их строительство. Соответственно, в их записках также содержатся весьма ценные личные наблюдения и сведения, полученные от информаторов, о состоянии власти и управления и правовом регулировании различных сфер правоотношений в стране в условиях существенного ослабления цинского сюзеренитета⁴³.

Среди представителей предпринимательских кругов, активно посещавших Монголию на рубеже XIX–XX вв., также было немало тех, кто не ограничивался исследованием исключительно перспектив сбыта русских товаров монголам и приобретения местной продукции для торговли в России. Вполне объяснимо, что торговцев и промышленников интересовали, в частности, такие вопросы правового характера, как система налогов, сборов и повинностей, регу-

медицины и ветеринарии, см. подробнее: *Филин С.А.* Формирование европейских систем здравоохранения и ветеринарии в Монголии в XIX–XX веках // История медицины. 2017. Т. 4. № 1. С. 53–55. Некоторые из них (например, П.Я. Пясецкий и Н.И. Дамаскин) оставили записки, содержащие интересующие нас сведения.

⁴¹ С начала XX в. ученых в Монголию стал также командировать Русский комитет для изучения Средней и Восточной Азии, созданный в 1903 г., см.: *Полянская О.Н.* Монголоведные направления в исследованиях Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии // Вестник Бурятского гос. ун-та. 2013. Вып. 7. История. С. 123–130.

⁴² См.: *Андреев А.И.* Русские экспедиции в Центральную Азию: организация и снаряжение (1870–1920-е годы) // Россия и Китай: научные и культурные связи (по материалам архивных, рукописных, книжных и музейных фондов). СПб.: БАН; Альфарет, 2012. Вып. 2. С. 20; *Бойкова Е.В.* Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века). М.: ИВ РАН, 2014. С. 11–12.

⁴³ «Разведочный» характер изучения Монголии российскими военными подтверждается фактом включения их записок в «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии» – издание, выходявшее в 1886–1914 гг. под грифом «Секретно» и предназначавшееся «для служебного пользования высшего начальства, а также лиц, служащих в Азии или специально занимающихся ею». Это неудивительно, поскольку такие отчеты военных, посетивших Монголию, содержали вполне четкие предложения по организации «следования и продвижения армии» по ее территории в случае войны с империей Цин. Вероятно, именно поэтому материалы ряда военных исследователей Монголии (в отличие от открыто публиковавшихся трудов Н.М. Пржевальского, М.В. Певцова, П.К. Козлова и др., также являвшихся офицерами российской армии) до сих пор остаются сравнительно малоизвестными. Лишь в последнее время к материалам «Сборника» стали обращаться специалисты-монголоеды, отмечая ценность и важность информации военных исследователей (а чаще всего – русских разведчиков) о Монголии, ее политическом устройстве, экономическом состоянии, этнографических особенностях и т. д., см., в частности: *Кузьмин Ю.В.* Экспедиции российских военных в Монголию и Китай в начале XX в. // Человек и природа в истории России XVII–XXI веков: Вторые Шаповские чтения. Материалы Всероссийской науч. – практич. конф. (8 октября 2002 г., Иркутск). Иркутск: Отгиск, 2002. С. 100–105; *Бойкова Е.В.* Российские военные исследователи Монголии... С. 10–12, 122–134. Однако насколько нам известно, их записки до сих пор не привлекали внимания как источник о монгольских правовых реалиях – вероятно, в силу того, что специальной задачи изучения монгольского права перед военными исследователями не ставилось, и их юридические сведения носят лапидарный характер.

лирование торговой деятельности, привлечение к ответственности за неисполнение договоров. Тем не менее, как и военные исследователи, многие из русских торговцев в Монголии не ограничивались сбором узко профессиональной информации и уделяли внимание также более широкому кругу вопросов политико-правового характера. Более того, среди предпринимателей было немало лиц, сотрудничавших с российскими научными обществами – можно назвать, например, М.Д. Бутина и А.И. Воробьева, активно взаимодействовавших с Восточно-Сибирским отделом Императорского Русского географического общества⁴⁴. А еще один выходец из торговых кругов, А.В. Бурдуков, поначалу лишь взаимодействовавший с научным сообществом, со временем сам стал признанным ученым-монголоведом.

Возможно, в качестве особой категории путешественников следует выделить представителей самих же монгольских народов, побывавших в Монголии в рассматриваемый период⁴⁵. Наиболее известны среди них ученые-монголоведы А. Доржиев, П.А. Бадмаев, Г.Ц. Цыбиков, Ц.Ж. Жамцарано, Б. Барадийн⁴⁶, а также первый фотограф, побывавший в Тибете, О. Норзунов, чьи записки содержат весьма глубокие наблюдения о разных сторонах жизни монголов⁴⁷, которые они могли описать как бы «изнутри», с точки зрения самих монголов – кочевников и буддистов. Гораздо меньше известна роль в организации и осуществлении путешествий других представителей бурятского народа – офицеров, переводчиков и казаков-охранников⁴⁸: они никаких записок не оставили и на предмет информации по возвращении, как правило, не опрашивались. Тем не менее во многом именно благодаря им авторы записок из числа дипломатов, ученых, торговцев, разведчиков имели возможность передвигаться по Монголии, избегать опасностей, а главное – вступать в контакты с местным населением и получать от него информацию, в том числе политического и правового характера.

Вполне можно согласиться с мнением, что путешественники по Центральной Азии в XVIII и особенно в XIX в. являлись своего рода «прокладчиками путей» для последующих завоевателей посещенных ими территорий⁴⁹. Причем если поначалу такое завоевание воспринималось в буквальном, т. е. в военном смысле, то на рубеже XIX–XX вв. милитаристские планы сменяются экономическими. Соответственно, в этот период в Монголии появляется все больше и больше предпринимателей – торговцев и промышленников. При этом в некоторых случаях пребывающие в стране иностранцы даже меняли свое социальное положение – например, приезжая изначально как миссионеры, они превращались в бизнесменов (наиболее яркий пример такой трансформации – швед Ф.А. Ларсон). Таким образом, интерес к монгольской

⁴⁴ См. подробнее: *Единархова Н.* Монголия и монголы в изданиях Восточно-Сибирского отдела Русского географического общества (1860–1880-е годы) // Вестник Евразии. 2000. № 3. С. 138–153; *Арсеньева Л.Г.* Деятельность Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества по изучению истории монгольских народов (середина XIX – первая четверть XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2015. С. 71–72, 76. См. также: *Старцев А.В.* Участие российских предпринимателей в изучении Монголии во второй половине XIX – начале XX в. // VII Восточноведческие чтения памяти С.Г. Лившица. Статьи и материалы междунар. науч. – практич. конф. (16 ноября 2012 г., Барнаул). Барнаул: Алтайская гос. пед. академия, 2012. С. 20–24.

⁴⁵ См. подробнее: *Гармаев Ж.А.* Изучение истории и культуры Монголии и Тибета бурятскими учеными-путешественниками (кон. XIX – нач. XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2005.

⁴⁶ Его записки до сих пор не опубликованы, см.: *Барадийн Б.* Амдо, Монголия. Дневник путешествия буддийского паломника-бурята по Халха-Монголии Алашани и северо-восточной окраине Тибета – Амдо, 1905–1907 гг. // Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 87. Оп. 1. Д. 29, 31.

⁴⁷ Правда, в записках некоторых из перечисленных бурятских исследований мы, к сожалению, не находим сведений о государственном и правовом развитии Монголии.

⁴⁸ См., напр.: *Полянская О.Н.* Забайкальские казаки Д. Иринчинов, П. Телешов, П. Чебаев – участники российских Центрально-Азиатских экспедиций второй половины XIX – начала XX в. // Буддийская культура: история, источниковедение, языкознание и искусство. Четвертые Доржиевские чтения «Буддизм и современный мир». Материалы конф. (3–10 августа 2010 г., Ольхон, Иркутская область – Агинское – Национальный парк «Алханай», Агинский Бурятский округ Забайкальского края). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 100–108.

⁴⁹ См.: *Пономарев Е.* Постколониальная теория и литература путешествий // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 358–359.

государственности и праву уже объясняется не столько дипломатическими, сколько чисто прагматическими целями: путешественников интересовало, насколько местные власти и законы могли поспособствовать (или воспрепятствовать) развитию их предприятий в Монголии.

Однако вряд ли следует абсолютизировать эту тенденцию применительно к Российской империи начала XX в.: в ее правительственных кругах были весьма сильны экспансионистские тенденции в отношении Монголии (равно как и Маньчжурии). Имея установку на установление российского влияния в регионе и исходя из «несправедливости» существующих российско-китайских границ, путешественники (большой частью военные разведчики) обращались к вопросам государственности и права опять же с вполне определенной целью – насколько местные власти и местные правоотношения позволяли распространить российский контроль над регионом, изменить границы и проч.⁵⁰

Безусловно, непосредственное изучение основ государственности и особенно права монголов не входило в задачу путешественников⁵¹. Однако представители всех вышеописанных категорий и групп путешественников, кто – в силу профессиональных интересов, кто – из личной любознательности, в той или иной степени обращали внимание на особенности государственного и правового развития Монголии: и независимых ханств, и вассальных государств в составе империи Цин. Соответственно, их сведения являются весьма ценным дополнением к известным нам источникам монгольского традиционного права и актам правоприменительной практики, о которых мы упомянули в начале главы.

Отдельно охарактеризуем западных путешественников, посетивших Монголию в рассматриваемый период и зафиксировавших информацию о ее государственном и правовом развитии на разных этапах истории Монголии в рамках рассматриваемого периода.

Сразу стоит отметить, что выходцы из европейских государств (и тем более из США) стали активно интересоваться Монголией намного позднее, чем российские путешественники⁵². Англичанин Ч.У. Кемпбелл, посетивший страну в 1902 г., привел весьма четкую, как представляется, причину отсутствия интереса к этому региону среди его соотечественников: «Монголия не привлекает значительного внимания англичан. И я этому не удивляюсь. Она мало или совсем непривлекательна для туристов. Нет живописных пейзажей или возможностей для спорта. Монгольская жизнь проста и не так уж хороша, и единственные предметы интереса – археологические находки, непривлекательные по форме и трудно достижимые»⁵³. И если такое отношение к ней у европейцев было в начале XX в., не приходится удивляться, что в более ранние периоды Монголия привлекала еще меньше внимания с их стороны.

Вероятно, жителям Европы пришлось пережить «культурный шок» в результате распада в середине XIV в. Монгольской империи, благодаря которой были налажены постоянные связи между Европой и Азией, включая собственно Монголию и Китай. Изначально, во время нашествия на Европу в 1230–1240-е годы, монголов восприняли как «выходцев из ада», но со временем европейцы не только регулярно приезжали в страны Восточной Азии, но и жили при дворе монгольских властителей, достигая высоких государственных постов. Распад, а затем и крушение империи Юань в 1350–1360-е годы прервал эту практику на целых несколько столетий. На смену реальным знаниям о могущественной восточной империи, полученным от посетивших ее путешественников, приходят основанные на слухах и мифах представления о некоей «Великой Тартарии», которые мало чем отличаются от вышеупомянутых представле-

⁵⁰ См., напр.: Кузьмин Ю.В., Суходолов А.П., Рачков М.П. Военное монголоведение России на рубеже XIX–XX веков // Известия Иркутской гос. эконом. академии. 2016. Т. 26. № 3. С. 368–369.

⁵¹ Весьма характерно, что исследователи традиционного монгольского права, изучавшие его в XIX – начале XX в. (т. е. в тот период, когда оно применялось на практике), сами в Монголии не бывали – например, Ф.И. Леонтович, К.Ф. Голстунский, Я.И. Гурлянд.

⁵² См. подробнее: Гольман М.И. Изучение истории Монголии на Западе. XIII–XX вв. М.: Наука, 1988. С. 47–51.

⁵³ Campbell C.W. Journeys in Mongolia // The Geographical Journal. 1903. Vol. 22. No. 5. P. 485.

ний о «выходах из ада». Изменяется эта ситуация лишь к концу XVII в.⁵⁴, когда Монголия становится вассалом империи Цин, и туда начинают время от времени приезжать европейцы, посещавшие к этому времени Китай⁵⁵.

Первыми европейскими путешественниками, оказавшимися в Монголии, стали представители ордена иезуитов – Т. Перейра и Ф. Жербийон, выступившие переводчиками и «консультантами» в русско-китайских переговорах, завершившихся подписанием Нерчинского договора 1689 г. Именно они первыми из европейцев охарактеризовали вассалитет монголов в отношении императора Цин⁵⁶.

В XVIII в. мы практически не находим европейцев, записки которых представляли бы интерес как источник сведений о государственности и праве Монголии. Как нами уже отмечалось, большинство иностранцев в этот период побывали в Монголии в составе российских посольств или научных экспедиций и, соответственно, находились на российской службе. Вместе с тем следует, конечно, принимать во внимание особенности восприятия ими монгольских реалий, в ряде случаев существенно отличавшихся от оценок тех же реалий их коллегами русского происхождения. В следующих главах будут выявлены подобные отличия.

В силу различных причин ряд иностранцев (как и русских) оказывались в монгольских землях и даже проводили там немало времени, однако так и не оставили собственных записок – о них и их наблюдениях известно в лучшем случае по отчетам представителей имперских структур, с которыми они взаимодействовали по возвращении. Естественно, ни о какой полноте сведений (тем более касающихся государственности и права монголов) говорить в таких случаях не приходится. Наиболее ярким примером тому является известный швед Йохан Густав Ренат, оказавшийся в плену сначала в России, а затем (будучи отправлен в Тобольск) у ойратов, и пробывший у них 17 лет (1716–1733). Став приближенным джунгарских правителей, которым он организовал производство оружия (в том числе артиллерии), достиг высокого положения в ханстве, скопил богатства, после чего вернулся в Россию с посольством Л.Д. Угримова. Ни в России, ни в Швеции, куда он вернулся в 1734 г., он не оставил никаких воспоминаний о своем пребывании в Джунгарском ханстве и остался в истории географических открытий только как автор первой подробной карты Джунгарии и Восточного Туркестана⁵⁷. Лишь его жена Бригитта, с которой он встретился в плену (официально они обвенчались в Москве), коротко рассказала супруге английского посла в России Д.У. Рондо о своих злоключениях (преимущественно о сексуальных домогательствах ойратских воинов, захвативших ее

⁵⁴ См.: *Phillips K.M.* Before Orientalism: Asian Peoples and Cultures in European Travel Writing, 1245–1510. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2014. P. 7.

⁵⁵ Единственное исключение – это некий неизвестный путешественник, побывавший в Сибири и Западной Монголии в 1660-х годах. Высказывалось предположение, что это – датский посол Фридрих фон Габель, однако он находился в России в 1676–1678 гг., т. е. десятилетием позже, см.: *Алексеев М.П.* Неизвестное описание путешествия в Сибирь иностранца в XVII в. // Исторический архив. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. I. С. 98. Несмотря на краткость сведений о монголах в записках этого автора, представляется, что он до некоторой степени «задал тон» для последующих западных путешественников, которые и в более поздние периоды обращали внимание на указанные аспекты политико-правовой жизни монголов.

⁵⁶ Несомненно, включение в состав маньчжурского посольства представителей католического духовенства следует связывать с существенным возрастанием влияния европейских миссионеров при дворе императора Канси в 1680-е годы, см.: *Fu Lo-shu.* Sino-Western Relations during the K'ang-Hsi Period, 1661–1722. Ph.D. Diss. Chicago: The University of Chicago, 1952. P. 287–291.

⁵⁷ И.Г. Ренату, и особенно составленной им карте Джунгарии, посвящена обширная библиография, см., напр.: *Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная шведом Ренатом во время его плена у калмыков с 1716 по 1733 год. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1881; *Моисеев В.А.* В джунгарском плену // Вопросы истории. 1977. № 6. С. 209–212; *Бородаев В.Б., Контев А.В.* Шведский артиллерист И.Г. Ренат и его ойратские карты // Түүхийн товчоон. Улаанбаатар, 2010. Т. V. С. 386–403; *Контев А.В., Бородаев В.Б.* Верхнее Обь-Иртышье на ойратской карте Джунгарии первой трети XVIII века // Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках. Сб. материалов междунар. науч. конф. Новосибирск: Параллель, 2011. С. 5–11; *Волобуев В.И.* Карта Джунгарского государства в 1738 г. И.Г. Рената как историко-географический источник / науч. ред. Д.Д. Васильев; отв. ред. В.В. Досовицкая. М.: Пробел-2000.

в плен) и статусе своего мужа в Джунгарском ханстве, о чем та отписала в Англию в одном из своих писем⁵⁸. Никаких других сведений о пребывании в Джунгарии супруги не оставили.

Аналогична ситуация с путешествиями европейцев в Монголию и в XIX в.: как правило, это участники российских посольств в Китай, причем даже не всегда попадавшие непосредственно на территорию Монголии. Например, впоследствии всемирно признанный востоковед Г.Ю. Клапрот, включенный в состав посольства графа Ю.А. Головкина, по его приказу остался в российских владениях для исследований, получив возможность побывать лишь в Кяхте – пограничном городе, в котором активно взаимодействовали русские, китайские и монгольские пограничные чиновники и торговцы. Даже посещение этого города позволило ему составить весьма яркий очерк, в котором в том числе нашли отражения и некоторые особенности административного устройства монголов, взаимоотношения монголов и китайцев и т. д.⁵⁹ Остается только предполагать, какие ценные наблюдения он мог бы отразить в своих записках и последующих научных трудах, если бы вместе с посольством добрался хотя бы до Урги (на посещении которой дипломатическая миссия графа Головкина, как известно, и завершилась)⁶⁰.

В 1830–1860-е годы в Монголии появляются уже первые европейцы, которые действуют самостоятельно, а не выполняют поручения российских или цинских властей. В первую очередь это были, конечно же, миссионеры, чья деятельность с переменным успехом продолжалась и в последующие десятилетия вплоть до начала XX в. Среди них были представители разных национальностей – французы (Э.Р. Гюк, Ж. Габе, А. Давид), англичане (Д. Шипшэнкс, Дж. Гилмор, Д. Хедли), шведы (Ф.А. Ларсон), американцы (Д.Х. Робертс) и др. Всех авторов записок, относящихся к христианскому духовенству, объединяет одно: они не были твердолобыми фанатиками, рьяно стремившимися насадить христианство и отметаившими все чуждые им явления жизни обращаемых «язычников». Напротив, большинство из них старались увидеть и понять основы жизни монгольского общества, государственности, права и религии – ведь эта информация могла им помочь в достижении поставленных целей. Именно поэтому наряду с описанием чисто религиозных реалий монголов в записках миссионеров также есть сведения об отношениях монгольских правителей с маньчжурскими властями, их внутренней политике, системе налогов и сборов, торговых отношениях, состоянии военного дела и системы коммуникаций, вопросах семейного и даже уголовного права, суда и системы наказаний. Безусловно, будучи миссионерами, эти авторы не могли говорить о монгольской религии и положении буддийского духовенства без осуждения. А являясь европейцами, они также весьма негативно оценивали «дикость и жестокость», присутствующие в ряде сфер отношений монголов. Но, оставляя в стороне их субъективные оценки, нельзя игнорировать их практические наблюдения в политико-правовой сфере, тем более что многие из их сведений совпадают с информацией других путешественников (как российских, так и западных), в том числе и не относившихся к духовному сословию.

Изменение политической ситуации в империи Цин во второй половине XIX в., приведшее к расширению автономии Северной Монголии (Халхи), как уже отмечалось, стало причиной появления в монгольских владениях большого числа российских военных исследователей и предпринимателей. От них не отставали и их западные коллеги, которые хотя в гораздо меньшем количестве, но с теми же целями приезжали в Монголию и фиксировали свои наблюдения в дневниках или последующих публикациях.

⁵⁸ Письма леди Рондо, жены английского резидента при русском дворе в царствование императрицы Анны Иоанновны / пер. с англ. под ред. С.Н. Шубинского. СПб.: Типография Скаряткина, 1874. Письмо XX. С. 77–79. См. также: *Макшеев А.* Карта Джунгарии, составленная... С. 4–5.

⁵⁹ См.: Кяхта – Маймачен. Прообразы свободных экономических зон в Российской империи: история, современность, перспективы / отв. ред. Л.Б. Жабаяева. Улан-Удэ: БГСХА, 2014. С. 57–63.

⁶⁰ См. также: *Вагин В.И.* Посольство графа Головкина в Китай в 1805 г. // Известия СОИРГО. 1872. Ч. 3. № 4. С. 179.

Целью военных исследователей, равно как и дипломатов из Великобритании, было не столько выяснение возможностей укрепить в Монголии собственные позиции, сколько подорвать позиции и, соответственно, влияние в этом регионе России. Именно с такими целями оказывались в монгольских землях британский консул в Китае Ч.У. Кемпбелл, офицер Н. Элиас, осуществлявший якобы научную экспедицию, Г.Дж. К. Суэйн, вообще явившийся в Монголию под предлогом охотничьего тура, и П.Т. Эвертон якобы намеревавшийся заняться там «спортом». Тем не менее для достижения этой цели они собирали информацию о самых разных сторонах жизни монголов, включая и интересующие нас сведения о государственности и праве.

Представители европейских и американских предпринимательских кругов, начавшие приезжать в Монголию с 1860-х годов, в большей степени, как и их российские конкуренты, сосредоточивались на изучении возможностей экономической деятельности в Монголии. Однако они точно так же обращали при этом внимание на наличие или отсутствие административных барьеров к ведению торговли или развитию промышленности, систему налогов и сборов, поддержание путей сообщения, состояние преступности среди монголов и проч. В этом отношении их информация, несомненно, представляет большой интерес на предмет сравнения со сведениями представителей российских предпринимательских кругов.

Среди западных путешественников, побывавших в Монголии во второй половине XIX – начале XX в., можно выделить весьма специфическую группу в сравнении с их российскими современниками. Речь идет о туристических поездках в монгольские земли. В самом деле, среди отечественных путешественников, побывавших в Монголии с подобной целью (и оставивших записки), можно назвать, пожалуй, не более двух-трех человек: князь К.А. Вяземский, Е.П. Демидов (князь Сан-Донато) и А.П. Беннигсен.

Европейцев же, отправлявшихся в Монголию для собственного удовольствия и удовлетворения своего любопытства или жажды опасностей и при этом не поленившихся описать свои впечатления, оказывается гораздо больше. Помимо вышеупомянутых британских офицеров Суэйна и Эвертона, а также консула Кемпбелла, которые под видом туристов осуществляли разведывательную деятельность, среди таковых можно назвать англичан А. Мичи и У.Д. Гарнетта, французов В. Меньяна и Р. де Баца, шотландку К.Ф. де Бурбулон (супругу французского посла в Китае), американку Э. Кендалл. Записки этой категории путешественников, конечно же, отличает акцентирование внимания на экзотике и опасностях путешествия (истинных или мнимых). При этом, наряду со сведениями, присутствующими и у других авторов, в них могут встретиться весьма любопытные детали, дополняющие наши представления об особенностях государственного и правового развития Монголии на том или ином этапе ее истории в рамках исследуемого периода.

В отличие от российских путешественников, среди их западных коллег было весьма немного тех, кто посещал Монголию именно с научными экспедициями. Пожалуй, формально таковым являлся только швед С. Гедин, и то побывавший в Монголии в этот период весьма кратко, по пути из Восточного Туркестана⁶¹. Тем не менее ряд лиц, формально относившихся к другим профессиям и занятиям, впоследствии зарекомендовали себя именно как монголоеды, оставившие значительный след в изучении географии, истории, филологии, флоры,

⁶¹ Американец Дж. Кертин, известный исследователь истории и этнографии монголов последней четверти XIX – начала XX в., побывал лишь в Сибири, и единственными «монголами», с которыми ему приходилось взаимодействовать, таким образом, были русскоподданные буряты. Тем не менее он опубликовал целую серию работ, посвященных этнографии и истории собственно монголов, см.: *Curtin J. The Mongols. A History.* Boston: Little, Brown and Co., 1908; *Idem. The Mongols in Russia.* Boston: Little, Brown and Co., 1908; *Idem. A Journey in Southern Siberia. The Mongols, Their Religion and Their Myths.* Boston: Little, Brown and Co., 1909. Мы никоим образом не намерены умалять его заслуг в монголоведении, однако его труды не могут быть использованы нами в рамках настоящего исследования в качестве записок путешественника.

фауны, религии и т. д. Это относится, в частности, к вышеупомянутым французским миссионерам Гюку⁶², Габе и Давиду, а также к американскому дипломату У.В. Рокхиллу.

Итак, мы могли убедиться, что круг путешественников, побывавших в Монголии в XVII – начале XX в. был весьма широк и разнообразен по национальной и социальной принадлежности, сфере занятий и целям поездок. Безусловно, интересующие нас сведения о государственности и праве монголов, содержащиеся в их записках и сообщениях, далеко не равноценны: у одних встречаются лишь краткие упоминания о каком-то конкретном правовом аспекте монгольской жизни, другие достаточно подробно описывают различные сферы властных и правовых отношений. Тем не менее мы не вправе игнорировать даже самые краткие и лапидарные сведения, поскольку в сочетании с другой информацией они также представляют интерес для исследователя политических и правовых реалий Монголии рассматриваемого периода⁶³.

⁶² Впрочем, уже младшие современники некоторых таких авторов высказывали довольно резкие замечания по поводу достоверности их записок. Весьма красноречивым представляется, в частности, отзыв П.А. Ровинского относительно записок французских путешественников по Монголии – К.Ф. де Бурбулон и ее супруга («Как же могли они так налгать?») и Э.Р. Гюка: «В путешествии Гюка (мы имеем в виду ту часть его, где он говорит о Монголии, виденной нами самими) столько лжи самой несообразной, что оно является просто сочинением, написанным на заданную тему, как теперь пишутся сочинения Майн-Рида и Верна», см.: *Ровинский П.А. Мои странствования по Монголии // Вестник Европы. 1874. № 7. С. 253–254.*

⁶³ Следует принимать во внимание, что многие авторы, побывавшие в Монголии, не только излагали собственные впечатления, но и использовали записки своих предшественников (среди них – Е.П. Ковалевский, М.Д. и Н.Д. Бутины, Д. Хедли, М.П. Прайс, Д.Х. Робертс и др.). Тем не менее в них, как представляется, можно вполне четко разграничить авторскую и заимствованную информацию. Исключение составляют записки некоторых авторов, которые посетили Монголию и, несомненно, имели возможность наблюдать властные и правовые отношения, а также повседневную жизнь ее населения, однако в своих записках по итогам путешествий они опираются на столь обширную исследовательскую базу, что практически не выделяют сведения, полученные во время поездок по стране. Наиболее ярким примером подобного подхода являются обширные труды известного российского географа Г.Е. Грумм-Гржимайло и британского автора Д. Каррутерса: *Грумм-Гржимайло Г.Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 1. СПб.: Б.и., 1914; Там же. Т. 2–3. Л.: Изд. Ученого комитета МНР, 1926; Carruthers D. Unknown Mongolia: A Record of Travel and Exploration in North-West Mongolia and Dzungaria. Vol. I–II. Philadelphia; London, 1914 (рус. пер.: Каррутерс Д. Неведомая Монголия. Т. I–II: Урянхайский край / пер. с англ. Н.В. Турчанинова. Пг.: Изд. Переселенческого управления, 1914).*

Глава II

Путешественники о государстве и праве монгольских ханств XVII в.

Как уже отмечалось, именно в XVII в. началось установление и развитие связей Московского царства с монгольскими народами и государствами. Первые контакты в самом начале столетия имели место между русскими дипломатами и калмыками – частью ойратского народа, переселившейся в российские владения. Однако уже в середине 1610-х годов начинается обмен посольствами с правителями Северной Монголии (Халхи). Московские дипломаты в своих «статейных списках» (отчетах) и «сказках» (устных рассказах) по итогам поездок к монголам освещали различные стороны их жизни и деятельности.

До сих пор эти сведения использовались преимущественно как источник по политической истории Монголии и русско-монгольских отношений⁶⁴. Предпринимались также попытки привлекать их как материалы по истории монгольского быта, экономики, этнографии⁶⁵ и, конечно же, исторической географии (истории географических открытий и проч.)⁶⁶. В данной главе предпринимаются попытки извлечь из записок русских дипломатов XVII в. сведения о государственности и праве Северо-Восточной Монголии (Халхи).

Безусловно, право монголов рассматриваемого периода достаточно хорошо известно исследователям, ведь именно в конце XVI – первой половине XVII в. появляется целый ряд кодификаций, содержащих нормы, регулировавшие самые разные сферы правоотношений в монгольском обществе: «Уложение Алтан-хана» (ок. 1577 г.), «Восемнадцать степных законов» (рубеж XVI–XVII вв.), «Их Цааз» (1640 г.), «Свод законов съезда Кукунора» (1685 г.). Вряд ли можно ожидать от записок русских дипломатов существенного дополнения к содержанию этих правовых памятников – тем более что перед ними ставились вполне конкретные задачи, реализацию которых они старались максимально подробно отразить в своих отчетах: приведение монгольских правителей к шерти, т. е. признанию ими сюзеренитета московских монархов; обеспечение безопасности восточных границ Московского царства; возвращение перебежчиков из числа кочевых подданных Москвы и т. п. Поэтому какие-либо дополнительные (помимо содержания переговоров) сведения в их записках – скорее исключение.

Тем не менее даже немногочисленные упоминания о правовых реалиях монголов, которые присутствуют в отчетах дипломатов XVII в., представляют значительный интерес и ценность для исследователей. Во-первых, они отражают не столько содержание официальных правовых актов, сколько действующие правоотношения, т. е. действие правовых сводов на практике. И во-вторых, в них присутствует информация о таких аспектах обычного монгольского права, которые не были зафиксированы в упомянутых правовых кодификациях.

В рамках данной главы анализируются статейные списки, расспросные речи и «доезды» российских дипломатов, побывавших в различных монгольских государствах и улусах с 1616 по 1695 гг. Большинство этих исторических памятников уже многократно изучалось исследова-

⁶⁴ См., напр.: *Дацыйшен В.Г., Модоров Н.С.* Посольская миссия Ф.И. Байкова в Китай и ее результаты (1654–1658 гг.) // Мир Евразии. 2010. № 2 (9). С. 18–29; *Слесарчук Г.И.* Статьи разных лет. Улан-Батор, 2013; *Гольман М.И.* Первые 30 лет в отношениях России и Монголии в XVII в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 6. С. 105–112.

⁶⁵ *Чимитдоржиева Л.Ш.* Русские посольства к монгольским Алтан-ханам. 1608–1681 гг. Улан-Удэ, 2003; *Иргит Ч.К.* Этнографические сведения из «Расспроса» Василия Тюменца и Ивана Петрова // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2009. № 5 (83). С. 154–157.

⁶⁶ *Магидович И.П., Магидович В.И.* Очерки по истории географических открытий. Т. II. М.: Просвещение, 1983. С. 377–378; Там же. Т. III. М., 1984. С. 143–147.

телями – в особенности после публикации четырех томов документов по истории русско-монгольских отношений в 1959–2000 гг. В большинстве своем это отчеты о дипломатических миссиях, совершенных представителями сибирской администрации. Кроме того, были привлечены и отчеты о некоторых русских дипломатических миссиях в Китай – ведь их участники также значительную часть пути проделывали по территории Монголии, вступали в контакты с монгольскими правителями. Дополняют их и весьма немногочисленные свидетельства западных путешественников второй половины XVII в., побывших в Монголии. Таким образом, в нашем распоряжении имеется достаточно большой корпус документов, содержащих сведения о разных сторонах монгольской правовой жизни XVII в.

Власть и управление в Монголии XVII в. Представляется целесообразным начать анализ со сведений о правовом статусе монгольских правителей, особенностях их взаимоотношений с собственными подданными и соседними государями – ведь это во многом влияло на само состояние правоотношений во владениях тех или иных монгольских правителей⁶⁷. Сообщения дипломатов дают возможность вполне четко проследить эволюцию правового положения монгольских владетелей – сначала как независимых правителей в своих владениях, затем как вассалов империи Цин (сначала номинальных, а затем и фактических).

С самого начала развития русско-монгольских отношений правители Северной Монголии, как следует из записок русских дипломатов, всячески старались подчеркнуть свою независимость, заявляя, что никому не подчиняются и не платят дани⁶⁸. Особенно ярко эту позицию выражали те монгольские ханы и тайджи, которым предлагалось «шертовать» московскому царю, поскольку видели в этом признание некоего «холопства» по отношению к русскому монарху, которому готовы были «служить» и, соответственно, получать за это от него «жалованье», т. е. дары, но никак не считаться его данниками⁶⁹.

Между тем монгольские правители фактически либо выдавали желаемое за действительное, либо лукавили в переговорах с русскими дипломатами: уже вскоре после вхождения южномонгольского Чахарского ханства в состав Цин, в 1630-е годы, халхасские правители начали посылать дань цинским властям и вести переговоры о вассалитете, а с 1655 г. даже стали отправлять своих заложников-аманатов в Пекин, что уже прямо свидетельствовало об их подчинении Китаю⁷⁰. В последней трети XVII в. вассалитет северомонгольских правителей от империи Цин стал уже свершившимся и очевидным фактом: сын боярский И.М. Милованов, проезжавший в Китай через северомонгольские земли в 1670 г., сообщает, что уже в это время

⁶⁷ См., напр.: Носов Д.А., Почекаев Р.Ю. Значение монгольских переводов российских правовых актов для изучения монгольского права XVII – начала XX в. (по документам из коллекции ИВР РАН) // Письменные памятники Востока. Проблемы перевода и интерпретации. Тезисы конф. (26–28 октября 2015 г., Москва). М.: ИВ РАН, 2015. С. 17–18.

⁶⁸ Русско-монгольские отношения 1636–1654: сб. документов / сост. М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Изд-во восточной литературы, 1974. № 111. С. 351. См. также: Оглоблин Н. Сибирские дипломаты XVII века (Посольские «статейные списки») // Исторический вестник. 1891. Т. 46. С. 157–158, 165, 166; Слесарчук Г.И. Русские архивы о Цецен-хане Шолое // Слесарчук Г.И. Статьи разных лет. Улан-Батор: Б.и., 2013. С. 207.

⁶⁹ Русско-монгольские отношения 1607–1636: сб. документов / сост. Л.М. Гатауллина, М.И. Гольман, Г.И. Слесарчук; отв. ред. И.Я. Златкин, Н.В. Устюгов. М.: Изд-во восточной литературы, 1959. С. 39. Ср.: Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию и Северный Китай (Василий Тюменец, Иван Петлин, Федор Байков). М.: Географгиз, 1949. С. 8, 10. Следует отметить, что и в современной исследовательской литературе до сих пор нет единого мнения о правовом значении шерти, т. е. своеобразной клятвы-договора, которую московские монархи в XVI–XVII вв. стремились получить от своих кочевых соседей. Одни специалисты указывают, что целью шерти было отнюдь не подчинение кочевых народов (в частности, монголов) московскому царю и включение их владений в состав России, а обеспечение мира на восточных границах Московского царства, прекращение грабительских набегов кочевников, см., напр.: Слесарчук Г.И. Русские архивные материалы о подданстве джунгарского тайджи Сенге // Слесарчук Г.И. Статьи разных лет. Улан-Батор: Б.и., 2013. С. 179. Другие же авторы считают, что «шертование» означало прямое признание подданства монголов Москве и утрату ими самостоятельности, см.: Чимитдоржиева Л.Ш. Проблема шерти на русско-монгольских (алтан-хановских) переговорах в начале XVII в. // Центральная Азия и Сибирь. Первые научные чтения памяти Е.М. Залкинда (14 мая 2003 г.). Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2003. С. 37–39.

⁷⁰ См.: Гольман М.И. Русские архивные документы по истории Монголии в середине 50-х – 80-е годы XVII века // Mongolica. Памяти академика Б.Я. Владимирцова, 1884–1931. М.: Наука, 1986. С. 137; Дацыйшен В.Г., Модоров Н.С. Посольская миссия Ф.И. Байкова... С. 22.

«мугальской царь Чечен-кан [т. е. Сэчен-хан Бабо (1652–1685). – Р. П.] дань дает богдойскому ж царю»⁷¹.

А в 1680–1690-е годы вассалитет северомонгольских князей от маньчжурского императора приобретает и официальный характер, что, в частности, нашло отражение в создании в империи Цин специальных властных структур для контроля над Северной Монголией. Николай Спафарий, а затем Эбергард Идес и Адам Бранд, участники московской дипломатической миссии в Китай в 1692–1694 гг., упоминают о «монгольском приказе» в Пекине⁷² – по-видимому, предтече будущей «Палаты внешних сношений» (Лифаньюань), который появился как раз для организации управления монгольскими землями в новых условиях.

При этом следует отметить, что, получая дань со своих монгольских вассалов и задействуя их в военных кампаниях, сами китайцы им никак не помогали, если те подвергались внешним нападениям. Так, по сообщению португальского миссионера Томаса Перейры, участника цинской миссии в период подписания Нерчинского договора 1689 г., когда джунгары напали на монголов и разгромили их, китайцы не пришли им на помощь. А его спутник и коллега француз Франсуа Жербийон замечает, что единственная их помощь заключалась в том, что одному из монгольских князей, пострадавших от набегов джунгар, было позволено перекочевать в китайские владения и остаться там⁷³.

В некоторых случаях информацию русских дипломатов следует воспринимать критически, с поправкой на то, что в XVII в. отношения Московского царства с Монголией и Китаем еще лишь начали устанавливаться и развиваться, и многие особенности политического, правового и даже этнического характера для дипломатов были не вполне ясны. Так, в сообщении вышеупомянутого Э. Идеса, члена русской посольской миссии в Китай в 1693–1695 гг., встречается упоминание о посещении посольством города Тунчжоу, губернатор которого «принадлежал, как мне сказал сановник, к высшей аристократии и был монгол, или восточный татарин, по рождению и оказался очень воспитанным и красивым человеком»⁷⁴. Казалось бы, это позволяет сделать вывод о начале процесса интеграции монгольской знати в правящую элиту империи Цин (что действительно имело место впоследствии), однако ниже дипломат пишет, что сам китайский император (богдыхан) – «монгол, или восточный татарин»⁷⁵, относя, таким образом, маньчжуров к монгольским народам. Следовательно, и в вышеприведенном сообщении о губернаторе Тунчжоу речь идет, несомненно, о маньчжурском администраторе. Тем более что и другие авторы XVII в. ничего не сообщают о том, что представители монгольской правящей элиты занимали административные должности в империи Цин.

Что же касается власти монгольских правителей в собственных владениях (в управление которыми маньчжурские сюзерены довольно долго не вмешивались), то русские дипломаты приводят свидетельства того, что она нередко была весьма ограниченной. Например, Василий Старков в статейном списке по итогам посольства 1638–1639 гг. к хотогойтскому Алтынхану Омбо-Эрдэни (1627–1657) сообщает, что после отъезда из ханской ставки на посольство напали монголы и ограбили его. Когда же посол спросил сопровождающего их ханского сановника, как хан позволил такое, тот отвечал, что это были люди не хана, а его зятя Тайчин-«табуна», за которых Алтын-хан ответственности не несет⁷⁶. Впрочем, зависимость ханов от знати русские послы порой умудрялись использовать и в собственных интересах. Так, сын боярский

⁷¹ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. I: 1608–1683. М.: Наука, 1969. № 141. С. 287.

⁷² Милеску Спафарий Н. Сибирь и Китай / сост. В. Соловьев, А. Кидель. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1960. С. 428, 439, 471–473; Идес И., Бранд А. Записки о посольстве в Китай. М.: Наука, 1967. С. 244, 245.

⁷³ Русско-китайские отношения в XVII в. Материалы и документы. Т. II: 1686–1691. М.: Наука, 1972. Приложения. С. 709–710, 738.

⁷⁴ Идес И., Бранд А. Записки о посольстве в Китай. С. 205.

⁷⁵ Там же. С. 218.

⁷⁶ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 28. С. 130.

Яков Остафьевич Тухачевский, глава посольства к Алтын-хану в 1635 г., убедившись, что хан не намерен «шертовать» московскому царю, объявил его приближенным «табунам», (т. е. табу-нангам, ханским и княжеским зятям), что правитель хочет заставить именно их принести присягу Москве и, соответственно, исполнять обязанности, платить дань и проч. В результате монгольские аристократы убедили хана дать шерть русскому послу⁷⁷.

Правовое положение буддийского духовенства. Большое значение в политической жизни монгольских ханств стали приобретать высокопоставленные представители буддийского духовенства, несмотря на то что буддизм в качестве официальной государственной религии был принят в монгольских ханствах сравнительно недавно. Так, Иван Петлин, совершивший дипломатическую поездку в Китай через Монголию в 1618–1619 гг., сообщал, что «кутуфта [Джебзун-дамба-хутукта, Ундур-гэгэн, Богдо-гэгэн I (1639–1724)] – Р. П.] – то по нашему патриарху»⁷⁸. Н. Спафарий также пишет, что «кутухту ламу» «слушают вельми мунгальские все тайши»⁷⁹. В статейном списке посольства боярина Федора Алексеевича Головина в Китай в 1689 г. упоминается, что Богдо-гэгэна почитали не только халхасские монголы, но и южно-монгольские князья, официально признававшие власть империи Цин⁸⁰.

Московские дипломаты неоднократно упоминают про участие буддийских лам в политической жизни монгольских ханств, в том числе и при проведении дипломатических переговоров. Некоторые из послов ограничиваются краткими упоминаниями о том, что среди ханских приближенных на приеме присутствовали также и ламы («лабы»)⁸¹.

Отдельные же священнослужители обладали реальным политическим авторитетом и могли существенно влиять на политику ханов, в том числе и на международном уровне. В качестве такового в посольской документации неоднократно упоминается Даин-Мерген-ланза – влиятельный священнослужитель, в свое время являвшийся духовным наставником Алтын-хана Шолоя-Убаши (нач. XVII в. – 1627 г.), который его «во всем слушал», а затем – и его наследника Омбо-Эрдэни, у которого, как говорили его приближенные русским послам, «с лабою [ламой. – Р. П.] все нераздельно»⁸². Как сообщал вышеупомянутый Я.О. Тухачевский, Даин-Мерген-ланза позволял себе даже публично выговаривать хану за его нежелание «шертовать» русскому царю, на что тот покорно отвечал, что ждал лишь его прибытия, чтобы совершить церемонию принесения шерти⁸³. К этому священнослужителю московские власти даже отправляли отдельные посольства с официальными посланиями и дарами – например, в 1636–1637 гг. у него побывал сын боярский Бажен Константинович Карташев, а в 1638–1639 гг. – сын боярский Степан Иудич Неверов⁸⁴. В 1686 г. боярский сын Спиридон Ходоногов был

⁷⁷ Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 102. С. 207.

⁷⁸ Там же. № 34. С. 82; Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае («Роспись» И. Петлина и статейный список Ф.И. Байкова) / предисл. Л.И. Думана. М.: Наука, 1966. С. 45. См. также: Банников А.Г. Первые русские путешествия в Монголию... С. 21. Примечательно, что немецкий путешественник А. Бранд, побывавший в Монголии в составе русского посольства в 1690-х годах, в своем журнале по итогам поездки называет тибетского первоиерарха Далай-ламу «языческим папой», см.: Brand A. A Journal of the Embassy from Their Majesties John and Peter Alexievitz, Emperors of Muscovy, etc. over Land into China, through the Provinces of Ustiugha, Siberia, Dauri and the Great Tartary, to Peking, the Capital City of the Chinese Empire by Everard Isbrand, Their Ambassador in the Years 1693, 1694 and 1695. London: D. Brown, 1698. P. 133.

⁷⁹ Путешествие чрез Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария в 1675 году. Дорожный дневник Спафария с введ. и примеч. Ю.В. Арсеньева. СПб., 1882. С. 130.

⁸⁰ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 180. См. также: Чимитдоржиев Ш.Б. Россия и Монголия. М.: Наука, 1987. С. 55.

⁸¹ Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 26. С. 71. Впрочем эти ламы могли выступать в качестве своего рода секретарей при правителях, поскольку владели грамотой, см.: Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. Внешняя Монголия XVI – начало XX в. Новосибирск, 1988. С. 25.

⁸² Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 8. С. 56; № 29. С. 135.

⁸³ Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 102. С. 208–209.

⁸⁴ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 8. С. 29.

отправлен к Ундур-гэгэну⁸⁵. Тушету-хан Чахундоржи (1655–1698), принимая в 1677–1678 гг. посольство сына боярского Ф. Михалевского и подьячего Г. Шешукова, сам направил послов в ставку хутукты, т. е. Ундур-гэгэна⁸⁶. Помимо самого Богдо-гэгэна официальные контакты с московскими дипломатами осуществлял «шанзаб», т. е. шанцотба, официальный «управляющий делами» главы монгольской церкви⁸⁷. Наиболее влиятельные священнослужители также направляли собственных послов к московским властям, т. е. имели право осуществлять самостоятельные внешнеполитические контакты⁸⁸.

Однако стоит отметить, что русские дипломаты, столь много внимания уделившие статусу монгольских церковных иерархов, являлись современниками весьма влиятельных глав русской православной церкви – таких патриархов, как Филарет (1619–1633) и Никон (1652–1667), титуловавшихся не только патриархами, но и «великими государями». Есть основания полагать, что московские послы могли в известной степени проводить параллели между высшим духовенством Московского царства и современных ему монгольских государств, рассматривая деятельность буддийских церковных иерархов в тех же категориях, в каких действовали представители русского высшего православного духовенства. По-видимому, неслучайно вышеупомянутое отождествление И. Петлиным «кутуфты» с патриархом.

Также нельзя не упомянуть, что лишь после долгих лет дипломатических взаимоотношений московские посланцы осознали религиозную принадлежность монголов. Так, В.А. Тюменец в 1616 г. и Я.О. Тухачевский в 1635 г. стремились убедить Алтын-ханов «шертовать» «по своей мусульманской вере» «на куране» [Коране. – *Р. II.*]⁸⁹, как и ряд последующих дипломатов. И лишь уже в 1670-е годы московские послы уже определенно сообщают о поклонении монголов «богом своим бурханом»⁹⁰.

Налоги, сборы и повинности. С вопросами государственного управления тесно связана еще одна сфера правоотношений – налоговая система монголов. Впрочем, сразу следует подчеркнуть, что московские дипломаты освещают ее весьма скудно. В посольской отчетной документации чаще всего речь идет о дани, которую московские власти хотели бы (хотя бы чисто формально) получать с монгольских вассалов. Соответственно, эти сведения могут помочь сформировать представления, в какой форме могли собираться налоги и в самой Монголии. Так, вышеупомянутый посол к Алтын-хану В. Старков упоминает, что Даин-нойон направил в Москву дань в виде 50 соболей «в козицах», восьми бобровых шкур, двух шкур «барса да ирбиса», двух шкур росомахи⁹¹. Также есть упоминания, что в качестве дани направлялось серебро, которое специально закупалось для этой цели в Китае⁹².

Есть сведения и о некоторых повинностях, которые несли монголы. Так, в статейном списке Ф.А. Головина упоминается, что монгольские вассалы китайских императоров должны были поставлять воинов для боевых действий империи Цин (в том числе и для нападений на русские пограничные крепости), к чему они, впрочем, были «зело склонны»⁹³. Дипломаты,

⁸⁵ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691 / сост. Г.И. Слесарчук; отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: Восточная литература, 2000. № 8. С. 73–75. См. также: Гольман М.И. Русско-монгольские отношения во второй половине XVII в. // Восток (Oriens). 2020. № 1. С. 60.

⁸⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685 / сост. Г.И. Слесарчук; отв. ред. Н.Ф. Демидова. М.: Восточная литература, 1996. № 163. С. 310. См. также: Слесарчук Г.И. О поездке тобольского сына боярского Ф.Е. Михалевского и подьячего Г. Шешукова в монгольские улусы // Слесарчук Г.И. Статьи разных лет. Улан-Батор: Б.и., 2013. С. 100.

⁸⁷ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. № 22. С. 108–109.

⁸⁸ См.: Скрынникова Т.Д. Ламаистская церковь и государство. С. 25.

⁸⁹ Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 22. С. 64; № 103. С. 219.

⁹⁰ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 163. С. 312.

⁹¹ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 28. С. 126.

⁹² Там же. № 102. С. 330, 332.

⁹³ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 135.

побывавшие у северных монгольских князей, сообщают, что ханы отряжали сопровождающих для них, что тоже можно рассматривать как своеобразную повинность⁹⁴.

Обращает на себя внимание отсутствие упоминаний московскими дипломатами почтовых станций, которые имели широкое распространение в Монголии в имперский период (XIII–XIV вв.), а также, как мы увидим ниже, и в период пребывания страны под маньчжурским владычеством, особенно в XIX – начале XX в. Судя по всему, к XVII в. в связи с феодальной раздробленностью почтовая система в Монголии исчезла, и правители не видели необходимости в ее восстановлении и поддержании.

Как следствие, не было никакой регламентации обеспечения проезжающих официальных лиц транспортом, продовольствием и проч., о чем постоянно упоминают в своих отчетах московские дипломаты – а ведь такое обеспечение еще со времен Монгольской империи было чрезвычайным сбором, взимаемым с населения той местности, по которой проезжали послы. При этом степень обеспечения их лошадьми и кормами зависела либо от доброй воли принимавших их монгольских правителей, либо же от содержания привозимых ими посланий российских властей. Так, одни дипломаты выражают полное довольство получаемыми кормами во время поездки к монгольским правителям и пребывания в их ставках⁹⁵. Другие же говорят, что их весьма скудно снабжали «кормом»⁹⁶. В отдельных случаях причины недостаточного снабжения дипломатов продовольствием и транспортом оговариваются специально. Например, когда Алтын-хан Омбо-Эрдэни убедился, что посол В. Старков и его спутники не намерены отходить от жестких инструкций, данных им московскими властями, он существенно урезал количество продовольствия, предоставлявшегося им⁹⁷.

Послы же, проезжавшие через Монголию в Китай, как правило, жалуются на практически полное отсутствие продовольственного и транспортного обеспечения. И. Петлин после своей поездки в Монголию и Китай даже направил специальную челобитную царю Михаилу Федоровичу, прося «пожалования» за то, что во время путешествия он и его спутники «и голод, и нужу терпели, и всякой скором ели»⁹⁸. Ф. Байков тоже жалуется, что монгольские провожатые не только не предоставляли им лошадей, верблюдов и корма, но и даже запрещали послам покупать их в попутных монгольских стойбищах⁹⁹. Н. Спафарий пишет о необходимости покупать лошадей и верблюдов у местных тайшей, что приходилось делать довольно часто, поскольку монголы нередко воровали у них скот по пути следования¹⁰⁰. Спутники Ф.А. Головина, направленные к Тушету-хану, сообщали, что он им провожатых дал, «а в подводах де и в кормах отказали»¹⁰¹. По всей видимости, монгольские правители не считали себя обязанными как-то обеспечивать иностранных дипломатов, которые всего лишь «транзитом» следовали через Монголию в другое государство.

В контексте особенностей налоговой системы следует сказать несколько слов и о государственном регулировании торговых отношений в Северо-Восточной Монголии. На основе

⁹⁴ Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. С. 132; Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 121; Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 28. С. 130. См. также: Скачков П.Е. Ведомость о китайской земле // СНВ. География, этнография, история. 1961. Вып. II. С. 218.

⁹⁵ Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 22. С. 64; № 26. С. 70; Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 57. С. 228; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 25. С. 74; № 37. С. 89; № 48. С. 108.

⁹⁶ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 28. С. 105; Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 118. С. 233. См. также: Филиппов В.М. Новые данные о посольстве Сеиткула Аблина // Советское китаеведение. 1958. № 2. С. 139.

⁹⁷ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 28. С. 120; см. также: Шастина Н.П. Алтын-ханы Западной Монголии в конце XVII в. // Советское востоковедение. 1949. Вып. 6. С. 387.

⁹⁸ См.: Мясников В.С. Новые документы о поездке в Китай Ивана Петлина // Советское китаеведение. 1958. № 1. С. 150.

⁹⁹ Демидова Н.Ф., Мясников В.С. Первые русские дипломаты в Китае. С. 132.

¹⁰⁰ Путешествие чрез Сибирь... С. 131, 135.

¹⁰¹ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 121.

сообщений русских дипломатов можно сделать вывод, что торговля в монгольских ханствах в этот период развивалась довольно стихийно и фактически никак не регулировалась. В посольской документации есть краткие упоминания о том, что китайские власти не пускали монголов для торговли дальше своих пограничных городов, сами брали от них скот и меха, в обмен предоставляя серебро, а также ткани – камку, кумач, бязь, атлас¹⁰². Неразвитость торговли в Монголии в XVII в. подчеркивается также отсутствием каких-либо упоминаний московскими дипломатами (в том числе и ездившими в Монголию и Китай с торговыми целями) о системе торговых сборов или чиновниках, контролирующих сделки.

Семейно-правовые и наследственные отношения. Статус монгольских женщин. Находясь под строгим надзором монгольских чиновников, московские дипломаты практически не имели возможности ознакомиться с повседневной жизнью монголов и, соответственно, особенностями их семейных отношений. Тем не менее в их записках встречаются небезыңтересные сведения, в частности, о статусе монгольских женщин.

В первую очередь речь идет о распространенной среди тюрко-монгольских кочевников традиции участия представительниц знати в политической жизни и наличии у них собственных улусов. При этом не только жены, но и матери ханов участвовали в дипломатических отношениях. Так, Алтын хан Омбо-Эрдэни в 1635 г. принимал посольство Я.О. Тухачевского в улусе своей матери, у которой они и оставались в ожидании его ответа¹⁰³. Когда Б.К. Карташев посетил с дипломатической миссией вышеупомянутого Даин-Мерген-ланзу, к нему прибыли чиновники матери Алтын-хана «Чечен-катуны» (Сэчен-хатун) для ведения переговоров, так же активно она взаимодействовала и с посольством С.И. Неверова¹⁰⁴.

Представительницы правящего рода не только владели собственными улусами, но и время от времени, как и в период Монгольской империи, принимали на себя бразды правления тем или иным владением – вплоть до ханского аймака. Так, толмач Панфил Семенов, отправленный в качестве посла к Сэчен-хану Шолоу (1630–1649), прибыл в его владения, когда хан уже скончался, и все переговоры с русским дипломатом вела его вдова «Тайка» (Ахай-хатун) вместе со своим зятем Турукай-«табуном»¹⁰⁵. Сын боярский Игнатий Михайлович Милованов по итогам поездки в урочище Керулен в 1690 г. сообщал, что ранее здесь «кочевала мунгальская баба Далай-катуня, а после де ее кочевал в тех урочищах ее сын Ахай Дайчин»¹⁰⁶, т. е. даже при наличии наследника мужского пола его мать являлась полноправной правительницей.

В записках дипломатов встречаются сообщения и о семейно-правовых особенностях, а именно брачных отношениях, которые (как и в более поздние времена) отличались высокой степенью свободы отношений супругов. В статейном списке Ф.А. Головина упоминается, что из Селенгинска бежала «мунгальская баба», «не захотя жить с ним [мужем. – Р. П.]» из-за дурного обращения, и русские власти потребовали у монгольских правителей ее выдачи как русско-подданной, при этом не упоминается, планировалось ли вернуть ее мужу¹⁰⁷.

Вместе с тем женщины низкого происхождения у монголов, как и прежде, нередко являлись имуществом, которое можно было продать или даже подарить. Я. Тухачевский совершенно спокойно упоминает, что в качестве ответного дара от Алтын-хана на московское «пожалование» он и один из его спутников получили по «девке»¹⁰⁸. В «Ведомости о китайской земле...», составленной в Тобольске по распоряжению воеводы П.И. Годунова в 1669 г. на основе рассказов тех, кто побывал в монгольских и цинских владениях, также упомина-

¹⁰² Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 27. С. 88; Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 28. С. 119.

¹⁰³ Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 102. С. 206; № 103. С. 218.

¹⁰⁴ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 8. С. 59; № 29. С. 145.

¹⁰⁵ Там же. №. 111. С. 348.

¹⁰⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. № 106. С. 273.

¹⁰⁷ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 260.

¹⁰⁸ Русско-монгольские отношения 1607–1636. № 102. С. 213.

ется, что пленниц направляли в империю Цин в качества «ясака» (дани) императору и как «ясыр» (пленниц) на продажу¹⁰⁹.

Что касается наследственных отношений у монголов XVII в., то о них нам удалось найти всего пару упоминаний, и оба они связаны с наследованием власти правителя. Так, Турукай-«табун», зять покойного Сэчен-хана Шолая сообщил русскому толмачу П. Семенову, что после хана осталось 12 сыновей, «и меж ими ныне [смятенье]»¹¹⁰, т. е. отсутствие порядка престолонаследия, в свое время вызвавшее немало смут в Монгольской империи и государствах Чингизидов, оставалось актуальным и для Монголии в рассматриваемый период.

Точно так же новый хан мог подтвердить, а мог и отвергнуть любые волеизъявления своего предшественника, включая его обязательства международно-правового характера. Тот же Турукай заявлял, что как только новый хан будет избран, ситуация с шертью московскому царю вновь будет обсуждаться¹¹¹. Другой же монгольский правитель, Сэчэн-нойон, в отличие от своего покойного отца, решил «быть в совете» с московскими государями¹¹². Лубсан, сын и преемник Алтан-хана Омбо-Эрдэни (1657–1686), в ответ на слова красноярского пятидесятника Родиона Кольцова о том, что его отец шертовал московскому царю, заявил, что отец его был «стар», и его воля не распространяется на действия его сына и наследника¹¹³.

Преступления и наказания. Наконец, в посольской документации имеются также немногочисленные, но яркие сообщения об отношениях в сфере преступлений и наказаний. Традиционно суровые наказания предусматривались за преступления в сфере государственного управления. В пользу такого предположения говорят сообщения русских дипломатов о преступлениях, жертвами которых становились подданные московских царей. Одним из самых распространенных имущественных преступлений среди монголов был угон скота – зачастую во время набегов на русские пограничные территории. Когда дипломаты в переговорах с ханами поднимали вопрос о возвращении похищенного и наказании виновных, монгольские правители обещали не только вернуть скот, но и сурово наказать похитителей – вплоть до казни тех, кто будет признан виновным в подстрекательстве к набегу или укрывании похищенного скота¹¹⁴. Между тем, согласно официальному монгольскому законодательству, смертная казнь для конокрадов не предусматривалась вообще – с них лишь взимали штраф в зависимости от количества похищенного¹¹⁵. Таким образом, есть все основания полагать, что подобная реакция ханов была не более, чем дипломатической уловкой, обещанием, которого они изначально не собирались выполнять.

То же касалось и преступлений в отношении самих дипломатов, которые также порой становились жертвами грабителей. Как уже отмечалось выше, халхасские правители чаще всего отказывались нести ответственность за действия подданных своих улусных владетелей, тогда как ойратские правители обещали провести розыск, найти грабителей и похищенное. Однако зачастую это являлось голословным обещанием. Например, в 1687–1688 гг. посольство под руководством жильца С.Я. Коровина проезжало через владения Богдо-гэгэна в Цинскую империю, у дипломатов были похищены 18 лошадей, шанцзотба пообещал провести розыск и вернуть похищенное. Однако были возвращены только 11 лошадей, вместо семи остальных

¹⁰⁹ Скачков П.Е. Ведомость о китайской земле. С. 211, 215.

¹¹⁰ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 111. С. 352.

¹¹¹ Русско-монгольские отношения 1636–1654. № 111. С. 352.

¹¹² Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 167.

¹¹³ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1654–1685. № 7. С. 27. См. также: Гольман М.И. Русско-монгольские отношения во второй половине XVII в. С. 56.

¹¹⁴ Русско-китайские отношения в XVII в. Т. II. С. 197, 199.

¹¹⁵ Восемнадцать степных законов: Памятник монгольского права XVI–XVII вв. СПб.: Петербургское востоковедение, 2002. II. С. 44.

были даны семь жеребят¹¹⁶. Таким образом, можно отметить, что кризис власти и управления в монгольском обществе имел следствием и достаточно слабо организованную правоохранительную деятельность, включая розыск преступников и их привлечение к ответственности.

Как видим, в русской дипломатической документации содержится немало информации о правовых реалиях Монголии XVII в. С одной стороны, можно наблюдать преемство некоторых традиций и обычаев со времени Монгольской империи; с другой – появляются новые веяния, прежде всего, нашедшие отражение в разработке законодательных сводов. Однако эффективная реализация принятых правовых актов не всегда была возможна из-за слабости власти правителей, их постоянной борьбы между собой. Таким образом, XVII в. стал временем правовой неопределенности, выходом из которой можно назвать признание сюзеренитета империи Цин в ожидании наступления некоторой упорядоченности в политической и правовой сферах.

¹¹⁶ Материалы по истории русско-монгольских отношений. 1685–1691. № 22. С. 113–114.

Глава III

Путешественники о государстве и праве джунгарского ханства XVII–XVIII в.

Как и сведения московских дипломатов (и их немногочисленных западных коллег) о контактах с северомонгольскими князьями, записки путешественников о западномонгольском Джунгарском ханстве использовались преимущественно как источник сведений о политической истории этого государства, его социально-экономического развития и международных связей. Правда, уже выдающийся российский ученый, академик Г.Ф. Миллер, предпринял попытку провести анализ истории Джунгарии, затронув ряд аспектов государственного развития и правовой политики этого ханства на основе архивных документов русского происхождения – в основном «отписок» представителей региональных сибирских властей в Москву¹¹⁷. Однако последующие исследователи, обращаясь к различным аспектам правового развития Джунгарского ханства, опирались преимущественно на сохранившиеся ойратские правовые памятники – «Их Цааз» и указы Галдана Бошугту-хана (1671–1697)¹¹⁸, либо на китайские источники, содержащих сведения о правовом регулировании отношений у ойратов¹¹⁹.

Ценнейшие сведения об особенностях правового развития Джунгарского ханства содержатся в записках российских путешественников. Эти источники неоднократно привлекались исследователями истории Джунгарии и русско-джунгарских отношений, однако, насколько нам известно, специально как источник по истории права Джунгарского ханства они до сих пор не исследовались. Между тем их анализ позволяет сформировать принципиально иное представление о ситуации в монгольских государствах, чем складывающееся при опоре только на ойратские правовые и китайские источники¹²⁰.

Вместе с тем записки путешественников дают возможность увидеть, что государственное и правовое развитие Джунгарского ханства не всегда являлось эволюционным: в отдельные периоды своей истории оно снова превращалось в конгломерат почти независимых владений лишь под номинальной властью верховного правителя. Тем не менее именно записки иностранных очевидцев позволяют в полной мере осознать, насколько значительный рывок был сделан ойратскими ханами в развитии подвластной им страны в самых различных сферах государственных и правовых отношений. Особенно ярко это проявилось в конце XVII – первой половине XVIII в.: в то время как правители Халхи, все больше интегрировались в маньчжурское политико-правовое пространство, Джунгарское ханство достигло апогея своего развития и не только сохранило независимость, но и проводило масштабную завоевательную политику, на равных противостоя империи Цин в Центральной Азии и Тибете¹²¹.

Государственность Джунгарского ханства.

¹¹⁷ Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. III. М.: Восточная литература, 2005. С. 8–38, Приложения. См. также: Уметбаев Т.Ш. Методологические аспекты изучения Джунгарии в «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера // Немцы в Санкт-Петербурге: Биографический аспект. СПб.: МАЭ РАН, 2014. Вып. 8. С. 39–46.

¹¹⁸ Гурлянд Я.И. Степное законодательство с древнейших времен по XVII столетие. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1904. С. 50–91; Рязановский В.А. Монгольское право, преимущественно обычное. 1931. С. 33–70. См. также: Кадырбаев А.Ш. Правовые и культурные взаимосвязи калмыков Джунгарии и Поволжья, халхасцев с казахами: XVII–XVIII вв. // Вестник КИГИ РАН. 2017. Т. 33. № 5. С. 2–10; Уметбаев Т.Ш., Тепляшин П.В., Бутадамов С.М. Становление правовой системы западных монголов в XVII–XVIII вв. (по материалам Г.И. Спасского) // Проблемы востоковедения. 2013. № 3 (61). С. 28–38; Далай Ч. Ойрад монголын түүх. Тэргүүн боть. Улаанбаатар: [Б.и.], 2002. Х. 95–127.

¹¹⁹ Чернышев А.И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. М.: Наука, 1990.

¹²⁰ См.: Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1758). 2-е изд. М.: Наука, 1983. С. 211.

¹²¹ См. подробнее: Courant M. L'Asie Centrale aux XVIIe et XVIIIe siècles. Empire Kalmouk ou Empire Mantchou? Lyon: Imprimerie A. Rey, 1912.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.